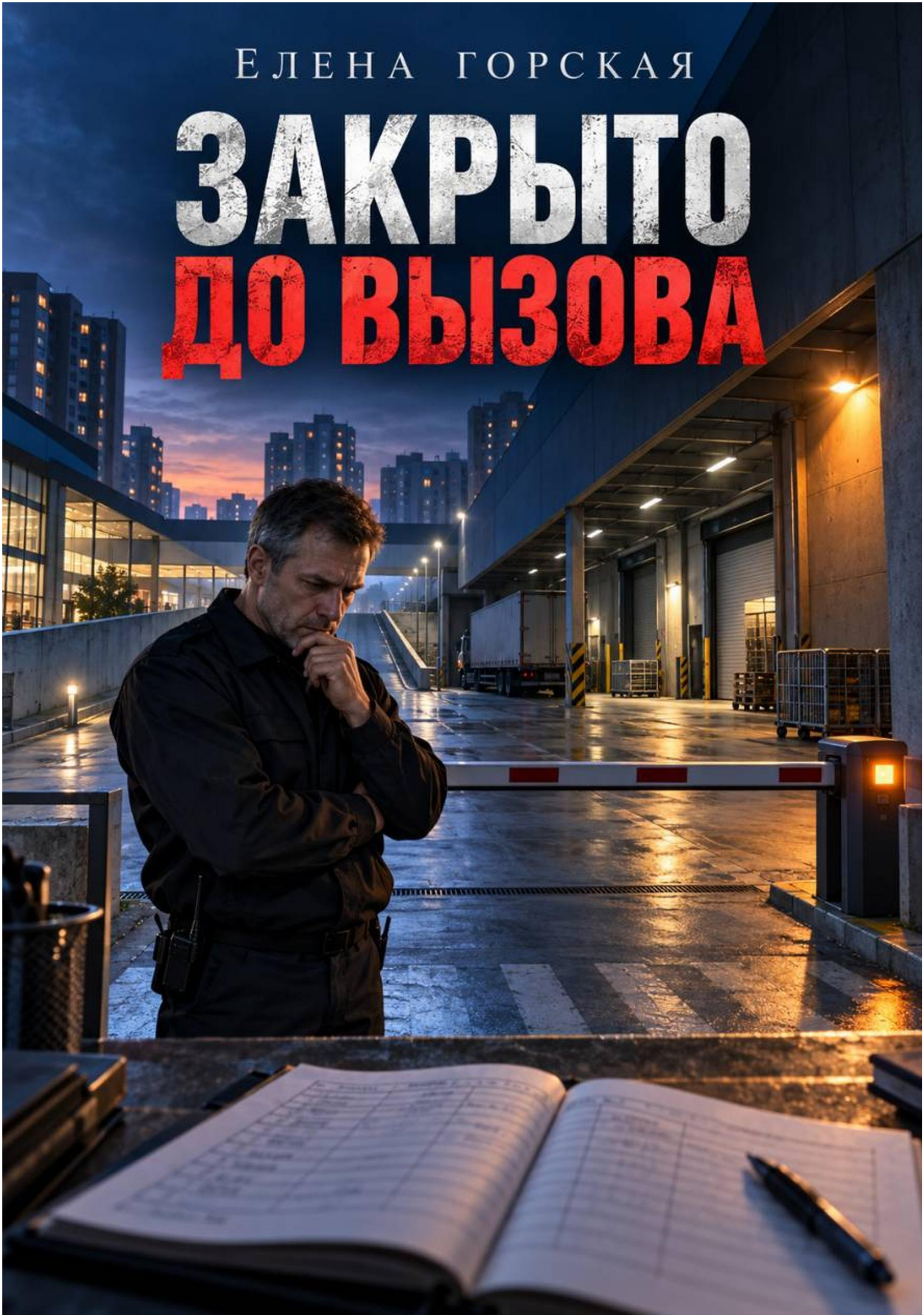
Елена Горская

ЗАКРЫТО ДО ВЫЗОВА

Елена Горская

Закрыто до вызова

«Автор»
2026

Горская Е.

Закрыто до вызова / Е. Горская — «Автор», 2026

Утром у погрузочной рампы торгового центра находят мёртвой бухгалтера Елену Орлову. Несчастный случай уже оформлен: посторонних не было, следов борьбы нет. Только акт напечатан за двадцать две минуты до вызова скорой, а под ним стоит подпись Сергея Лаврентьева — бывшего опера и нынешнего старшего смены охраны, который в это время находился в другом корпусе.Напарник Сергей признаётся в подделке и уверяет, что хотел защитить испуганного грузчика. Но чем глубже Сергей разбирается в ночных возвратах, пустом архиве камер и маршруте синей тележки, тем яснее становится: жалость помогла кому-то заранее назвать смерть случайностью. Чтобы добраться до правды, Сергею придётся передать следствию ложный журнал, признать собственную небрежность и рискнуть удостоверением — не назначив виновного раньше доказательств.

© Горская Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

От автора 5
Глава 1. До открытия 6
Глава 2. Двадцать две минуты 14
Глава 3. Пустой архив 22
Глава 4. Напарник 31
Глава 5. Чужая жалость 37
Глава 6. Синяя тележка 46
Глава 7. Дочь бухгалтера 54
Конец ознакомительного фрагмента. 61

Елена Горская
Закрыто до вызова

От автора

Иногда дело кажется понятным ещё до того, как кто-нибудь успел внимательно посмотреть на место происшествия. В папке появляется аккуратная формулировка, рядом ставят время и подпись, а всё, что не помещается в готовое объяснение, называют мелочью. Эта книга — о таких мелочах и о людях, которые решают, что ложь из жалости безопаснее правды.

«Закрыто до вызова» — художественный роман. Его герои и события вымышлены. Работа охраны, следствия и торгового центра показана ради сюжета, а не как практическое руководство. Главный вопрос здесь не в том, может ли опытный человек ошибиться. Ошибаются все. Важнее, что он сделает, когда увидит собственную подпись под чужой удобной версией.

Глава 1. До открытия

В шесть сорок две утра торговая галерея «Меридиан» выглядела честнее, чем днём. За стеклянными дверями не мигали скидки, не пахло кофе с ванильным сиропом, музыка молчала, а манекены в спортивном магазине стояли в темноте и не пытались казаться людьми. Сергей Лаврентьев приложил пропуск к считывателю, дождался зелёного огонька и толкнул дверь плечом. В правой руке он держал бумажный стакан, в левой — пакет с двумя пирожками, которые купил у метро себе и Олегу.

Дверь открылась слишком легко. Обычно доводчик тянул её назад так, будто галерея передумала пускать сотрудников. Сегодня створка мягко ушла внутрь и осталась приоткрытой.

Сергей поставил стакан на стойку досмотра и посмотрел на верхний магнит. Красный огонёк не горел.

— Вот и доброе утро, — сказал он пустому вестибюлю.

За семь лет в частной охране он научился не придавать каждой неисправности особого смысла. Если турникет пищал без карты, значит, уборщица задела провод шваброй. Если дверь не вставала на магнит, значит, поставщик придержал её коробкой, а потом коробку унёс. В полиции из мелочи полагалось строить версию. В торговом центре из мелочи сначала следовало составить заявку, найти электрика и трижды объяснить управляющей, почему заявка ещё не закрыта.

Он обошёл стойку. На кресле ночного охранника лежала форменная куртка Олега Сазонова, рукава были вывернуты, словно человек выскочил из неё на ходу. Рация стояла в зарядном стакане. Рядом остывал чай в кружке с надписью «Лучший дед», хотя внуков у Олега не было и кружку он купил сам, потому что она стоила девяносто рублей.

Сергей взял свою рацию из нижнего ящика.

— Первый, ответь старшему, — сказал он.

Динамик хрипнул и замолчал.

Он повторил вызов. Потом набрал Олега по телефону. Где-то за стеной, в комнате охраны, заиграла старая мелодия из советского фильма. Значит, телефон остался здесь.

На мониторах было двенадцать картинок. Главный вход, коридоры, эскалаторы, кассовый холл продуктового магазина, парковочный въезд, служебная лестница. На картинке из погрузочного двора горел янтарный фонарь. Серый шлагбаум был опущен. У третьей рампы стояла синяя тележка, но человека рядом Сергей не разглядел: изображение дробилось крупными квадратами. Камера работала в самом дешёвом смысле этого слова — что-то показывала.

На столе лежала раскрытая папка происшествий. Такую папку Олег обычно держал в нижнем ящике и доставал только после порванной витрины, драки или визита особо деятельного представителя управляющей компании. Сверху был подшит белый лист с жирной строкой: «АКТ О НЕСЧАСТНОМ СЛУЧАЕ».

Сергей не стал читать. Сначала требовалось найти напарника.

Он оставил пакет с пирожками рядом с остывшей кружкой и пошёл по служебному коридору. Рольставни магазинов были опущены. За одной уже шуршали коробками продавцы, за другой ругался кофейный аппарат. У двери хозяйственной службы стояло ведро с серой водой. Из подсобки вышла Антонина Мельник, уборщица из ночной бригады. Маленькая, крепкая, в синем халате поверх шерстяной кофты. Она держала в руках связку ключей и смотрела не на Сергея, а мимо него.

— Тоня, Олег где?

Ключи звякнули.

— Там.

— Где — там?

Она указала подбородком в сторону грузового коридора.

— У рампы. Сергей Петрович, вы только… там женщина.

— Какая женщина?

Антонина сжала ключи в кулаке.

— Я не знаю. Из магазина, наверное. Она лежит. Скорая едет.

Сергей посмотрел на часы: шесть сорок семь.

— Кто вызвал?

— Олег. Наверное.

— Вы видели, как он звонил?

— Нет. Он сказал, что вызвал.

Он не спросил, прикасалась ли она к женщине. Не здесь. Антонина уже дышала коротко, ртом, и каждый вопрос толкал её к слезам.

— Идите в комнату уборщиц. Никого через грузовой коридор не пускайте. Если кто-то будет требовать открыть — звоните мне. Не Олегу, мне.

— А сын…

Она осеклась.

— Что сын?

— Ничего. Он дома.

Ответ прозвучал быстрее вопроса. Сергей отметил это по старой привычке и тут же рассердился на себя. Женщина увидела тело, её трясёт, а он уже меряет паузы. Семь лет назад за такие паузы ему платило государство. Теперь ему платили за то, чтобы до открытия работали двери, не дрались грузчики и никто не вынес телевизор через служебный выход.

— Идите, Тоня. Потом поговорим.

До погрузочного двора было меньше ста метров. Сергей прошёл их быстро, не переходя на бег. За дверью с табличкой «Только для персонала» пахло мокрым картоном, соляркой и холодным бетоном. По обе стороны стояли клетки на колёсах. На одной коробки были перетянуты зелёной плёнкой, на другой лежали мешки с мусором. У стены мигал жёлтый светильник. Каждые две секунды он гас, и двор будто моргал.

Олег стоял возле третьей рампы, спиной к двери. На нём был форменный свитер без куртки, голова втянута в плечи. В пяти шагах от него лежала женщина.

Сергей остановился на пороге.

Первое, что он увидел, — светлая ладонь на тёмном бетоне. Потом серое пальто, подол которого завернулся под колено, чёрную сумку у стены и рассыпавшиеся из неё бумажные платки. Женщина лежала на боку, лицом к рампе. Возле виска темнела узкая полоса, но крови вокруг почти не было. Один ботинок слетел и стоял у колеса синей тележки так ровно, будто его сняли перед входом в квартиру.

Олег обернулся.

— Наконец-то.

— Скорая вызвана?

— Да.

— Когда?

— Только что. Минут десять назад.

Сергей достал телефон. Сеть во дворе показывала одну черту.

— Точное время?

— Серёг, она мёртвая.

— Точное время вызова.

Олег потёр лицо ладонями.

— В шесть тридцать… семь, кажется. Или в тридцать восемь. Я с поста звонил.

— Почему твой телефон на столе?

— Потому что с городского. Он в журнале высветится.

Сергей приблизился на два шага, выбирая, куда поставить ноги. Бетон был в старых следах шин, серых разводах и мелком песке, который зимой сыпали у въезда. Вдоль стены тянулась красная линия. Сотрудникам запрещалось заходить за неё во время разгрузки. Сейчас машин не было, ворота третьей рампы оставались закрытыми.

— Кто нашёл?

— Я.

— Один?

Олег отвернулся к воротам.

— Тоня была в коридоре. Услышала, как я крикнул.

— Ты подошёл к женщине?

— Пульс проверил.

— Где?

— На шее.

— Ещё что-нибудь трогал?

— Нет.

Сергей посмотрел на сумку, на ботинок, на тележку. Ручка тележки была направлена к лежащей женщине, платформа — к коридору. На синем борту белела наклейка магазина «Вольт». Этот магазин занимал помещение на втором этаже и торговал телефонами, ноутбуками и прочей техникой, которая становилась дороже сразу после того, как покупатель заходил внутрь.

— Ворота открывал?

— Нет.

— Шлагбаум?

— Он и был закрыт.

— Откуда она пришла?

— Не знаю. Наверное, из коридора.

— Наверное — это не ответ.

— А у тебя уже допрос начался?

Сергей поднял взгляд. Лицо Олега было серым от недосыпа, под глазами залегли рыхлые тени. Они знали друг друга больше двадцати лет, хотя друзьями стали не сразу. Когда Сергей ещё работал в отделе, Олег водил служебную «Газель» в районной электросети и дважды помогал искать украденный кабель. Потом жизнь развела их, а семь лет назад свела снова в комнате охраны «Меридиана». Олег первым показал Сергею, какая рольставня заедает, какой арендатор носит пропуск в кошельке и почему ночному электрику нельзя давать кофе после трёх.

— Допрос начнёт следователь, — сказал Сергей. — Я пытаюсь понять, что вы тут успели сделать до моего прихода.

— Ничего мы не делали.

Слово «мы» осталось между ними.

Из коридора донёсся грохот. Молодой голос выругался, потом кто-то толкнул дверь.

— Закрыто! — крикнул Сергей.

— У меня приёмка в семь! — отозвался грузчик продуктового магазина.

— Сегодня через вторую рампу. Третью не открывать.

— Там фура не встанет!

— Значит, подождёт.

Он подошёл к настенной кнопке и опустил внутреннюю решётку. Металл заскрежетал, отделяя двор от коридора. Олег вздрогнул.

— Зачем? Скорая как войдёт?

— Через боковую калитку. Ты выставил человека у въезда?

— Кого я выставлю? У нас ночью двое по штату, один на обходе, один на посту.

— Сейчас уже утренняя смена приходит.

— Ты первый.

Сергей вызвал по рации Михаила, который обычно заступал за десять минут до семи. Ответа не было. Потом позвонил ему. Михаил сонно сообщил, что стоит на парковочном въезде: шлагбаум не поднимается, перед ним уже две машины поставщиков.

— Оставь машину и иди к боковой калитке погрузочного двора, — велел Сергей. — Встретишь скорую и полицию. Никого больше не впускать. Ничего не объяснять.

— А что случилось?

— Когда придёшь, увидишь.

Он убрал телефон. Олег смотрел на женщину.

— Елена Орлова, — сказал он.

— Ты её знаешь?

— Бухгалтер из «Вольта». Она часто после закрытия выходила. Управляющая магазина отчёты с ней сводила.

— Сегодня ты её видел живой?

— Нет.

Ответ был ровным, но Олег снова потёр лицо, на этот раз только правую щёку.

Сергей знал Елену в лицо. Невысокая женщина, всегда с собранными волосами, здоровалась со всеми охранниками и никогда не просила открыть служебную дверь «на секундочку». Месяц назад она принесла на пост коробку конфет после того, как Сергей нашёл её кошелёк в кафе. Коробку съела вся смена, а она потом ещё дважды благодарила, будто кошелёк вернули не ей, а кому-то близкому.

Теперь волосы у неё рассыпались по бетону. Между прядями застряла белая крошка, похожая на штукатурку.

— Свет включал? — спросил Сергей.

— Только общий. Так темно было.

— Когда пришёл, тележка стояла здесь?

— Стояла.

— Ботинок?

— Серёг, я не фотографировал всё глазами. Увидел человека, подошёл, проверил пульс. Нормальные люди так делают.

— Нормальные люди ещё скорую вызывают и не сочиняют, чего не помнят.

Олег шагнул к нему.

— Я ничего не сочиняю.

— Тогда говори «не помню».

— Не помню.

Они стояли друг против друга, пока за стеной поднимался гул въезжающей машины. Потом послышался короткий удар по воротам. Кто-то снаружи дал задний ход слишком далеко.

Сергей посмотрел на женщину и впервые почувствовал холод. Не тот, что шёл от бетона. Двор был общим для галереи и жилого комплекса, но по-настоящему не принадлежал никому. Галерея отвечала за внутренний коридор и три рампы. Управляющая компания дома — за проезд от шлагбаума до паркинга. Камеру над воротами устанавливали строители, сервер стоял у подрядчика, провода чинил третий человек, чьё имя никто не помнил. Когда случалась царапина на машине, обе стороны неделю писали письма о границах ответственности. Когда на бетоне лежал человек, границы вдруг становились невидимыми.

— Акт зачем составил? — спросил Сергей.

У Олега дёрнулась щека.

— Какой акт?

— На столе. О несчастном случае.

— А. Этот.

— Другого не видел.

— Беляев сказал оформить, чтобы потом не бегать. У них на каждое происшествие бумага нужна.

— Когда сказал?

— Утром.

— Это я понял. До того, как ты нашёл Елену, или после?

Олег посмотрел на решётку, будто ожидал, что кто-то сейчас позовёт его оттуда и избавит от ответа.

— После, конечно.

— Беляев был здесь?

— Заходил.

— Где он сейчас?

— Пошёл к себе. Сказал, встретит полицию.

Начальник общей логистики Роман Беляев считал погрузочный двор собственным княжеством. Он выдавал ключи от рамп, распределял часы разгрузки и мог остановить фуру, если водитель не поздоровался. Жил он в «Ясном береге», в третьем корпусе, и объяснял это удобством: до работы три минуты. Сергей объяснял иначе — Беляеву нравилось даже ночью видеть территорию, где все зависели от его решения.

— Он подходил к телу?

— Не знаю. Я звонил.

— Кому?

— Всем. Скорой, управляющей, Беляеву.

— С городского телефона?

— Да.

Сергей больше не спрашивал. Вопросы начали опережать ответы, а это было опасно. Можно за десять минут построить стройную картину и потом весь день отгонять от неё факты, которые не подходят. Он слишком часто видел, как человек в форме сначала решал, что произошло, а потом искал подтверждения. Иногда этим человеком был он сам.

За воротами завыла сирена. Не громко, словно машина берегла звук для настоящей улицы. Сергей открыл боковую калитку. Михаил стоял снаружи в расстёгнутой куртке и махал водителю скорой. За ним толпились двое грузчиков и женщина из пекарни.

— Всех за шлагбаум, — сказал Сергей.

— Они говорят, на работу.

— Через главный вход. Двор закрыт.

Женщина из пекарни вытянула шею.

— Там кто-то умер?

— Двор закрыт, — повторил Сергей.

Фельдшер и врач прошли внутрь с сумками. Олег отступил к стене. Сергей показал, где ставил ноги, и замолчал. Врач присел возле Елены, коснулся шеи, поднял веко, посмотрел на часы. Потом попросил фельдшера принести жёсткий чемодан, хотя по голосу было ясно: спасать уже некого.

— Кто вызывал? — спросил он.

Олег поднял руку.

— Во сколько обнаружили?

— Примерно в шесть двадцать пять.

Сергей повернулся к нему. Только что Олег говорил, что вызвал скорую около шести тридцати семи, но времени обнаружения не называл.

— Точнее? — спросил врач.

— В журнале записано.

— У нас вызов принят в шесть сорок одну.

Олег нахмурился.

— Значит, в сорок одну. Я не смотрел на часы.

— Вы сказали «в шесть двадцать пять», — заметил Сергей.

— Потому что Беляев пришёл где-то в половине. Я запутался.

Врач перевёл взгляд с одного охранника на другого.

— Полицию вызвали?

— Да, — ответил Сергей, хотя сам этого ещё не проверил.

Он вышел за калитку и набрал дежурную часть. Пока объяснял адрес, Михаил отгонял любопытных. Над новыми корпусами «Ясного берега» светлело небо. В окнах зажигался свет, на балконах появлялись люди с кружками. С верхнего этажа кто-то уже снимал двор на телефон.

Сергей попросил Михаила записать имена всех, кто находился у въезда после шести, и не обсуждать с ними случившееся. Потом вернулся к Олегу.

— Пойдём на пост.

— А здесь?

— Михаил останется у калитки. Врач внутри. Мы принесём журнал и запись вызова.

Олег не двинулся.

— Полицейские сейчас приедут. Им всё и отдадим.

— Поэтому и пойдём.

— Ты мне не начальник полиции.

— Я старший смены. И пока эта форма на тебе, я отвечаю за то, что лежит в нашем журнале.

Олег коротко усмехнулся.

— Особенно за то, что подписано твоей фамилией.

Сергей услышал в этой фразе укол, но не понял, куда он направлен. На пост они шли молча. В служебном коридоре уже собрались сотрудники магазинов. Кто-то делал вид, что проверяет накладные, кто-то откровенно ждал новостей. Антонина стояла у двери подсобки. Увидев Олега, она быстро опустила глаза.

— Все на рабочие места, — сказал Сергей. — Погрузочная зона временно закрыта. Приём товара через вторую рампу после разрешения полиции.

— А открытие будет? — спросил управляющий кофейней.

— Будет. Главный вход не перекрыт.

— Там говорят, Орлова умерла.

Сергей остановился.

— Кто говорит?

Управляющий пожал плечами и уткнулся в телефон. Новость уже жила отдельно от места, где всё произошло.

На посту пахло пирожками. Пакет успел промокнуть от пара, бумага стала прозрачной. Сергей выключил мелодию на телефоне Олега и положил аппарат рядом с рацией.

— Покажи журнал.

Олег открыл нижний ящик. Внутри лежали запасные батареи, связка пломб, рулон жёлтой ленты и два журнала: действующий с синей обложкой и старый, чёрный. Он достал синий.

Последняя запись была сделана крупным почерком Олега: «06:25. При обходе погрузочной зоны обнаружена сотрудница магазина “Вольт” Е. В. Орлова без признаков сознания. Вызвана скорая помощь. Предварительно — падение с рампы. Посторонних лиц не выявлено».

Под записью стояла подпись Олега. Следующей строкой — фамилия Сергея и росчерк, похожий на его подпись.

Сергей не сразу понял, что именно видит. Он наклонился ниже. Росчерк был знакомый: короткая петля, длинная линия вправо, точка под ней. Так он подписывал листы обхода, когда торопился домой. Иногда оставлял Олегу несколько пустых бланков с подписью, чтобы тот внёс показания счётчиков после ночной проверки. Глупость, за которую Сергей ругал молодых сотрудников, а себе объяснял доверием.

— Это что? — спросил он.

Олег поставил журнал на стол.

— Твоя подпись.

— Я вижу. Откуда она здесь?

— Может, вчера подписал. Ты же акт сверял по рампе.

— Вчера этой записи не было.

— Значит, подписал лист, а запись я добавил. Какая разница? Ты старший смены.

— Разница в том, что я не был здесь в шесть двадцать пять.

— Ты пришёл через двадцать минут. Всё увидел сам.

— Я увидел женщину на бетоне. Я не видел, как она упала. И ты не видел.

Олег сел в кресло и обхватил голову руками.

— Серёг, не начинай. Человек умер. Сейчас приедут, опросят, заберут тело. У нас объект через час открывается, поставщики стоят, управляющая орёт. Я написал то, что было понятно.

— Что именно было понятно?

— Она упала с рампы.

— Почему?

— Потому что лежала под рампой.

— Она лежала рядом с ней, не под ней. Ворота закрыты. Ботинок у тележки. Ты не знаешь, откуда она пришла.

— И ты не знаешь.

— Поэтому я ничего не подписывал.

Олег поднял голову. В его глазах впервые появился не испуг, а злость.

— Подписывал. Просто не сегодня.

Сергей перевёл взгляд на белый акт в раскрытой папке. Внизу страницы тоже стоял знакомый росчерк. Рядом было напечатано: «Старший смены С. П. Лаврентьев». Выше аккуратными строками сообщалось, что сотрудница магазина, вероятно, оступилась при выходе к погрузочной рампе, нарушений пропускного режима не установлено, посторонние лица отсутствовали.

Всё было изложено спокойно и законченно. Женщина ещё лежала в холодном дворе, врач ещё не назвал причину смерти, полиция ещё не вошла в здание, а бумага уже знала, что случилось, кто там был и чего не было.

Сергей взял акт за край. Бумага была тёплой, будто её недавно вынули из принтера.

— Кто это написал?

— Я же сказал. Беляев продиктовал основные слова. Я оформил.

— И мою подпись поставил?

— У тебя были подписанные листы.

— Это не лист обхода.

— Какая сейчас разница?

Из вестибюля донёсся звук открывшейся двери. Кто-то уверенно прошёл через турникет, не задержавшись у стойки. Затем мужской голос спросил, где старший смены.

Сергей закрыл папку, но руку с неё не убрал.

— Разница, Олег, в том, что вызова ещё толком не было, а у нас уже всё закрыто.

В дверях появился молодой полицейский в мокрой куртке. За его плечом стояла женщина в гражданском пальто, с собранными в хвост волосами и прозрачной папкой под мышкой. Она показала удостоверение так быстро, что Сергей успел прочитать только фамилию: Соколова.

— Кто обнаружил погибшую? — спросила она.

Олег встал.

Сергей посмотрел на его серое лицо, на журнал, на папку под своей ладонью и на собственную подпись, которая проступала сквозь тонкий белый лист.

— Начните с нас обоих, — сказал он.

Глава 2. Двадцать две минуты

Инга Соколова не села в предложенное кресло. Она положила прозрачную папку на край стола, надела тонкие перчатки и попросила обоих охранников отойти к стене.

— Кто трогал журнал после обнаружения погибшей?

— Я, — сказал Сергей.

— Я достал, — добавил Олег.

— До обнаружения?

Олег помедлил.

— Я внёс запись.

— В какое время?

— Там указано.

— Я спрашиваю не о том, что указано. Когда вы держали этот журнал в руках и писали?

Олег посмотрел на Сергея, будто тот мог подсказать безопасный ответ.

— После того как нашёл женщину.

— Сколько минут прошло?

— Не засекал.

Соколова не стала повторять вопрос. Она открыла журнал на последней странице, прочитала запись, затем посмотрела на подписи. Молодой полицейский у двери записывал всё в блокнот, стараясь не пропустить ни слова. Его звали Денис Кравчук; фамилия была вышита на куртке. С улицы он принёс капли дождя и запах мокрой ткани.

— Лаврентьев Сергей Петрович?

— Да.

— Подпись ваша?

— Похожа на мою. Но под этой записью я не подписывался.

— Похожа или ваша?

— Росчерк мой. Я оставлял подписанные листы для ночных показаний счётчиков. Сазонов взял подпись оттуда.

Кравчук перестал писать и поднял глаза.

Олег тяжело выдохнул.

— Не взял. Лист уже лежал в папке.

— На нём был акт о смерти женщины? — спросила Соколова.

— Нет. Пустой бланк.

— Значит, всё-таки взяли.

Она сказала это без нажима, и Олег сразу перестал спорить.

Соколова просмотрела акт. Её лицо не изменилось ни на строке о падении, ни на строке об отсутствии посторонних. Потом она достала из папки два пакета для документов.

— Журнал и акт будут изъяты. Кравчук, понятые у входа есть?

— Два водителя согласились.

— Пригласите. И пусть группа не топчется у тележки. Там уже половина торгового центра отметилась.

Полицейский вышел. Соколова повернулась к Сергею.

— Вы бывший сотрудник?

— Был оперуполномоченным.

— Как давно уволились?

— Семь лет.

— Причина?

— Это относится к смерти Орловой?

— Пока я выясняю, к чему относится ваша подпись на ложном акте.

Сергей почувствовал, как Олег рядом напрягся. Можно было ответить коротко: по выслуге, по собственному желанию, семейные обстоятельства. Любой такой ответ был бы наполовину правдой.

— После служебной проверки, — сказал он. — Не уголовной. Я провёл опрос без оформления и не указал его в рапорте. Свидетель потом отказался от слов. Мне предложили перевод, я ушёл.

— Полезная привычка — не оформлять то, что неудобно.

— Именно поэтому я сейчас говорю о подписи.

Соколова впервые посмотрела на него не как на предмет у стены.

— А не потому, что хотите первым объяснить, почему она здесь?

— И поэтому тоже.

— Хорошо. Тогда не пытайтесь помогать мне вести опрос. Отвечайте на вопросы.

Вернулся Кравчук с двумя водителями. Один был в оранжевом жилете, второй в вязаной шапке с эмблемой молочной фирмы. Оба старались держаться серьёзно, но косились на акт с тем жадным вниманием, которое люди принимают за участие в важном деле. Соколова вслух перечислила изымаемые документы, показала номера страниц, упаковала журнал и акт, попросила всех расписаться.

Когда очередь дошла до Сергея, он взял ручку и остановился.

— Что? — спросила Соколова.

— Ничего.

Он расписался там, где видел текст и время. На этот раз — сам.

Олег выводил фамилию медленно. Рука у него дрожала. Один из водителей кашлянул, второй переступил с ноги на ногу.

— Теперь отдельно, — сказала Соколова. — Сазонов остаётся здесь. Лаврентьев выходит в вестибюль. Телефоны положите на стол.

— Мой и так здесь лежит, — сказал Олег.

— Тем лучше.

Сергей вышел. В вестибюле уже горел полный свет, за стеклянными дверями собирались первые посетители. До открытия оставалось восемь минут. Михаил стоял у турникета и пытался одновременно отвечать управляющей галереи по рации и объяснять курьеру, почему тот не может пройти через служебный вход.

— Сергея Петровича требует Алла Викторовна, — сказал он, прикрыв микрофон ладонью. — Уже третий раз.

— Передай, что я с полицией.

— Передавал. Она говорит, полиция не отменяет открытие.

— И правильно говорит. Открываем по обычному порядку. Погрузочный двор закрыт, третью рампу никому.

— А поставки?

— Вторая рампа после осмотра. До тех пор ждут.

Михаил повторил распоряжение в рацию. Голос управляющей зашипел так громко, что слова было слышно через его ладонь.

Сергей отошёл к мониторам. Камера погрузочного двора показывала людей в белых комбинезонах. Они ставили номерки, фотографировали бетон и измеряли расстояние от тела до рампы. На соседнем экране у шлагбаума теснились три фургона. Один водитель размахивал накладной перед полицейским.

Экран мигнул. На секунду вместо двора появилось серое поле с надписью «Нет архива», затем живая картинка вернулась.

Сергей взял мышь и открыл программу наблюдения. В правом углу стояло текущее время — 07:54. Он нажал значок календаря, выбрал сегодняшний день и камеру двора. Полоса записи под окном оставалась пустой. Вчера — пусто. Неделю назад — пусто. Живое изображение шло исправно, но прошлое не сохранялось.

— Опять? — спросил Михаил за спиной.

— Давно так?

— Я думал, починили. В заявке написали «выполнено».

— Кто написал?

— Подрядчик. Беляев вчера бумагу принёс.

— Где заявка?

— В общей почте, наверное.

Сергей отпустил мышь. Соколова велела не помогать вести опрос, и была права. Но работа охраны никуда не исчезла: если запись не сохранялась, об этом нужно было сообщить. Он позвал Кравчука и при нём ещё раз открыл архив.

— По этой камере нет записи, — сказал Сергей. — Только изображение в настоящем времени.

— Совсем нет?

— Сейчас проверю другие даты.

— Не проверяйте, — раздался голос Соколовой.

Она стояла в дверях комнаты охраны, держа телефон Олега в пакете.

— Отойдите от компьютера.

Сергей убрал руку.

— Я показал отсутствие архива вашему сотруднику.

— Вы показали, что свободно работаете за компьютером, на котором могут быть нужные нам сведения. Кравчук, вызовите специалиста.

— Тут не сервер, — сказал Сергей. — Только рабочее место.

— Спасибо. Специалист разберётся.

Михаил сделал вид, что занят турникетом. Сергей отступил от стола.

— Теперь вы, — сказала Соколова.

Она повела его не в комнату охраны, а в пустующую каморку администратора. Там стояли стол, два пластиковых стула и искусственная пальма с пыльными листьями. Через стеклянную стену было видно, как галерея открывается: рольставни ползли вверх, продавцы включали вывески, по коридору шли первые покупатели. Внутри каморки их голоса звучали глухо.

Соколова включила диктофон и назвала время.

— Расскажите от момента прихода. Не оценивайте действия Сазонова и не объясняйте, что он хотел. Только то, что видели и слышали.

Сергей начал с двери. Потом стойка, куртка, рация, мониторы, папка. Он перечислял всё по порядку и замечал, как трудно не добавлять выводы. «Дверь была отключена от магнита» хотелось заменить на «дверь оставили открытой». «Олег сказал, что вызвал скорую» — на «Олег соврал о времени». Каждую такую замену он останавливал раньше, чем она выходила наружу.

Когда дошёл до разговора с Антониной, Соколова спросила:

— Дословно про сына.

— Я спросил, что сын. Она сказала: «Ничего. Он дома».

— До этого вы упоминали сына?

— Нет.

— Вы знаете его?

— Антон Мельник. Работал временным грузчиком у Беляева. Последние дни я его не видел.

— Почему перестал работать?

— Не знаю. Сезонный договор, кажется.

— Не кажется. Знаете или нет?

— Не знаю.

Соколова кивнула, словно именно этого ответа ждала.

Сергей рассказал о дворе, положении тела, тележке, ботинке, словах Олега и приезде скорой. Когда он назвал время принятия вызова — 06:41, Соколова подняла ладонь.

— Откуда вы его знаете?

— Врач сказал при нас.

— До этого Сазонов назвал другое?

— Мне — примерно 06:37 или 06:38. Врачу сначала сказал, что обнаружил в 06:25, а потом связал это время с приходом Беляева.

— Беляева вы сегодня видели?

— Нет.

— Разговаривали?

— Нет.

— Тогда всё, что касается его слов, вам известно от Сазонова.

— Да.

Соколова выключила диктофон.

— Прочтёте объяснение после оформления. До этого объект не покидайте. Сотрудникам произошедшее не пересказывайте.

— Мне нужно связаться с управляющей.

— По рабочим вопросам можете. Про акт, подписи, время и свидетелей — нет.

— Журнал изъят. Чем фиксировать смену?

— Заведите новый и отметьте, что старый изъят. Только больше не подписывайте пустые листы.

Это прозвучало почти как насмешка, но лицо Соколовой осталось серьёзным.

У двери Сергей спросил:

— Олег признал, что поставил подпись?

— Вы плохо услышали просьбу не вести опрос за меня?

— Услышал.

— Тогда зачем спрашиваете?

— Хотел проверить, послушаюсь ли со второго раза.

— И как?

— Плохо, но надежда есть.

Соколова едва заметно усмехнулась и сразу снова стала следователем.

— Идите работать, Лаврентьев.

Управляющая Алла Викторовна ждала у поста. Она была одета так, будто рабочий день начался три часа назад: строгий костюм, гладкие волосы, планшет в руках. Рядом стоял Роман Беляев. Высокий, тяжёлый, в серой куртке с эмблемой логистической службы. Он смотрел на полицейских с выражением хозяина квартиры, в которой незнакомые люди переставляют мебель.

— Наконец, — сказала Алла Викторовна. — Сергей Петрович, почему поставщики не допущены на вторую рампу?

— Там работает полиция.

— На третьей.

— Двор общий. До разрешения не пущу.

— У нас через сорок минут закончатся сливки в кофейне, через час молочная полка будет пустой. Вы понимаете цену решения?

— Понимаю. Она меньше цены следов шин поверх следов у тела.

Беляев качнул головой.

— Никто по третьей не поедет. Вторая в стороне. Можно пустить по одному.

— Согласуйте со следователем.

— Я уже согласовал с участковым.

— Здесь не участковый работает.

Алла Викторовна прижала планшет к груди.

— Вы снова ведёте себя так, будто служите в органах.

— Нет. Если бы служил, я бы разрешал. Я охранник. Поэтому не открою шлагбаум без команды человека, который сейчас отвечает за место.

— За объект отвечаю я.

— За магазин — вы. За место смерти сейчас Соколова.

Беляев положил ладонь на край стойки.

— Серёжа, давай без театра. Женщина оступилась. У рампы темно, край не видно. Мы всё написали, как было.

— Вы видели, как она оступилась?

— Я видел, где она лежала.

— Я тоже. Поэтому и спрашиваю.

— Ты с ночной смены или я? — вмешался Олег, выходя из комнаты охраны.

Соколова шла следом.

— Всем оставаться на месте, — сказала она. — Роман Викторович Беляев?

— Да.

— Пройдёмте для объяснения.

Алла Викторовна открыла рот, но следователь уже увела Беляева. Он успел бросить Олегу короткий взгляд. Не угрожающий и не просительный — скорее проверяющий.

Сергей заметил его. Олег заметил, что Сергей заметил.

— Не начинай, — тихо сказал он.

— Я молчу.

— У тебя лицо не молчит.

— Тогда не смотри.

Алла Викторовна потребовала письменное распоряжение о закрытии двора. Кравчук пообещал принести. Она ушла звонить владельцу галереи, стуча каблуками по плитке.

Олег сел на край стойки.

— Меня отстранили до конца проверки.

— Кто?

— Соколова сказала не заступать. Алла сейчас оформит.

— Это не навсегда.

— Тебе легко говорить. Ты у нас правильный.

Сергей посмотрел на пустое место, где лежал журнал.

— Если бы был правильный, не оставлял бы подписи на пустых листах.

— Вот именно. Оставлял. А теперь делаешь вид, что всё я один.

— Я этого не говорил.

— Скажешь. Когда прижмут удостоверением, скажешь.

Олег взял куртку и пошёл к выходу.

— Тебе запретили покидать объект, — напомнил Сергей.

— Я в туалет.

— Он в другую сторону.

Олег остановился, выругался и повернул к служебному коридору.

К девяти часам двор всё ещё был закрыт. Покупатели ходили по галерее, не замечая, что за стеной работают криминалисты. В кофейне действительно закончились сливки. Управляющая прислала Сергею четыре сообщения, каждое короче предыдущего. Последнее состояло из двух слов: «Откройте рампу».

Сотрудник экспертной группы сел за компьютер охраны. Это был худой мужчина лет тридцати с рюкзаком, в котором звякали отвёртки. Он представился Артёмом и попросил никого не подходить.

— Сервер где? — спросил он.

— Подрядчик держит удалённо. Здесь только программа просмотра, — ответил Сергей.

— Камера двора какая?

— Двенадцатая.

Артём щёлкнул по архиву, увидел пустую полосу и не удивился.

— А локально что-нибудь пишет?

— Не должно.

— Все говорят «не должно», пока диск не откроешь.

Он подключил внешний накопитель и начал копировать служебные файлы. Сергей наблюдал с расстояния. На экране мелькали названия папок, даты, строки журналов программы. Затем Артём открыл системное окно с перечнем устройств.

— Принтер ваш?

— Наш.

— Что на нём печатали утром?

— Акт.

— Ещё что-то?

— Не знаю.

— Очередь печати очищаете?

— Обычно сама очищается.

Артём открыл папку, спрятанную глубоко в настройках. В ней лежали маленькие служебные файлы с непонятными названиями. Большинство были вчерашними, два — сегодняшними.

— Вот задание на печать, — сказал он. — Документ удалён, но служебная запись осталась.

Сергей сделал шаг ближе и остановился, вспомнив приказ Соколовой.

— Время видно?

— Время отправки — шесть девятнадцать ноль восемь. Имя документа «АктрампаОрлова».

Сергей посмотрел на часы в углу экрана, будто нынешнее время могло изменить прошлое.

— Повторите.

— Шесть девятнадцать и восемь секунд.

Артём повернул голову.

— А что?

— Вызов скорой приняли в шесть сорок одну.

— Значит, акт напечатали раньше.

— На двадцать две минуты.

Сергей произнёс это и почувствовал, как простая разница между двумя числами меняет всё вокруг. Олег мог ошибиться в минуте. Мог перепутать, когда увидел тело, когда позвонил и когда пришёл Беляев. Но компьютер не путался из жалости и не торопился домой. В 06:19 кто-то уже назвал документ фамилией женщины и отправил его на принтер. В 06:41 диспетчер скорой только принял вызов.

— Не трогайте ничего, — сказал Сергей.

Артём усмехнулся.

— Это я обычно говорю.

Сергей нашёл Соколову у служебной двери. Она разговаривала с криминалистом, держа бахилы в одной руке и телефон в другой.

— У компьютера нашли задание на печать акта, — сказал он. — 06:19:08. Название файла с фамилией Орловой.

— Кто нашёл?

— Ваш специалист. Артём.

— А вы что делали рядом?

— Стоял за линией и мешал ему вопросами.

Соколова посмотрела на часы.

— Вызов скорой в 06:41:17, — сказала она. — Не ровно двадцать две минуты, но достаточно близко.

— А когда, по словам Олега, он нашёл Елену?

— Это часть опроса.

— В журнале стоит 06:25.

— В журнале, который вы считаете подделанным.

— Значит, акт напечатали даже раньше поддельного времени обнаружения.

Соколова убрала телефон в карман.

— Лаврентьев, вы сейчас пойдёте на пост и продолжите охранять торговый центр.

— Да.

— Не станете спрашивать Сазонова, что он делал в 06:19.

— Нет.

— Не позвоните Беляеву.

— Его телефон у вас.

— Это не ответ.

— Не позвоню.

— И не полезете в компьютер второй раз.

— Не полезу.

Она кивнула.

— Тогда ещё один вопрос. Кто мог войти в вашу комнату охраны и напечатать документ?

Сергей перечислил: Олег, он сам, Михаил из утренней смены, управляющая, Беляев. Дверь обычно закрывалась, но у управляющей был мастер-ключ. Беляев иногда заходил за журналом рампы. Пароль компьютера знали все охранники и половина администрации, потому что его написали маркером на нижней стороне клавиатуры.

— В 06:19 вас где не было, мы знаем, — сказала Соколова. — Михаил стоял на парковочном въезде. Управляющая приехала после семи. Остаются двое.

— Олег и Беляев.

— Остаются люди, чьё местонахождение мы проверяем. Не назначайте виноватых раньше меня.

— Даже если они назначили причину смерти раньше скорой?

Соколова задержала на нём взгляд.

— Именно поэтому.

Она вернулась во двор. Сергей остался у двери. За решёткой на бетоне блестели номерки. Синяя тележка стояла там же, но теперь казалась не случайно брошенной вещью, а частью чужого движения, остановленного посреди двора.

Олег ждал у поста. Он сидел перед выключенным монитором и крутил в пальцах ключ от шкафчика.

— Что нашли? — спросил он.

Сергей вспомнил обещание, данное Соколовой.

— Тебя просили оставаться на объекте.

— Я и остаюсь. Что нашли в компьютере?

— Спроси у следователя.

— Ты уже спросил.

— И пожалел.

Олег усмехнулся, но ключ в его пальцах остановился.

— Серёг, иногда бумагу делают заранее. Чтобы потом не бегать. В этом нет преступления.

— Я ничего тебе не сказал про бумагу.

Тишина между ними продлилась всего секунду. Потом в галерее заиграла утренняя музыка, слишком бодрая для этого дня.

Олег положил ключ на стол.

— Ты видел акт ещё при входе.

— Видел.

— Вот и всё.

— Не всё.

Сергей открыл чистый журнал, который Михаил принёс из хозяйственного склада. На первой строке написал дату и время: «09:17. Предыдущий журнал изъят сотрудниками полиции». Подумал и добавил: «Доступ к погрузочному двору ограничен до отдельного разрешения».

Он поставил подпись только после последней точки.

Олег смотрел на его руку.

— Теперь каждую строчку читать будешь?

— Теперь — да.

— Поздно.

Сергей закрыл ручку колпачком.

— Для Елены — поздно. Для нас пока нет.

Глава 3. Пустой архив

К десяти утра погрузочный двор разрешили открыть наполовину. Полицейская лента осталась у третьей рампы, вторую отдали поставщикам, а первую загородил мусоровоз, который не мог развернуться между бетонными столбами. Водители ругались в закрытых кабинах, управляющая звонила Сергею каждые семь минут, и весь этот обычный шум казался полезным. Пока люди спорили о молоке, коробках и пропусках, никто не мог притвориться, будто утро уже закончилось и найденная у рампы женщина стала только строкой в журнале.

Олег сидел в комнате отдыха без ремня с рацией. Формально его не задерживали, но Соколова велела оставаться на объекте. Он пил воду из бумажного стакана маленькими глотками и смотрел в стену. Сергей заходить к нему не стал. Любой вопрос сейчас превратился бы либо в чужое признание, либо в новую ложь, а отличить одно от другого он уже не имел права.

На пост пришёл Артём, специалист с рюкзаком отвёрток. В руках у него был прозрачный пакет с жёстким диском рабочего компьютера.

— Забираю на исследование, — сказал он. — Вашему начальству оставил расписку. Для работы поставим другой диск, но архив камер от этого не появится.

— Вы поняли, где он должен храниться?

— У подрядчика два сервера. Один в диспетчерской жилого комплекса, второй в стойке на минус первом этаже галереи. Программа показывает их как один архив. Камера двора подключена к стойке дома, хотя принадлежит обоим объектам.

— Почему к дому?

— Так кабель короче. Строители любят короткий кабель, бухгалтерия любит один счёт, а потом все удивляются, почему половина системы никому не принадлежит.

Артём положил на стойку лист с распиской и попросил Сергея показать диспетчерскую. Сергей вызвал Михаила заменить его у турникетов. Сам идти со специалистом он не собирался, пока не увидел Соколову у кофейни. Она разговаривала по телефону и жестом подозвала его.

— Проведёте нас в диспетчерскую дома, — сказала она, закончив разговор. — Только проведёте. Ничего не открываете, никого не опрашиваете.

— Могу ещё нажать кнопку лифта.

— Если справитесь без оперативного опыта.

Служебный переход начинался за серой дверью возле магазина бытовой техники. Покупатели считали её кладовкой. За дверью пахло пылью, свежей краской и тёплым бетоном. Коридор шёл вдоль стены двора и раздваивался: налево — к рампам, направо — в паркинг «Ясного берега». На стене висела схема эвакуации, где галерея была окрашена жёлтым, дом — зелёным, а общий участок между ними оставался белым.

Сергей приложил карту к считывателю. Замок пискнул, но дверь не открылась.

— Ваша карта не действует? — спросила Соколова.

— Действовала на прошлой неделе.

Он попробовал ещё раз. Красный огонёк.

Артём присел возле считывателя.

— Питание есть. Доступ отклонён сервером.

Сергей позвонил диспетчеру дома. Через две минуты дверь изнутри открыл сонный мужчина в синей рубашке. На нагрудной карточке было написано «Павел Климов, инженер».

— Карты галереи опять слетели, — сказал он вместо приветствия. — Я заявку отправлял.

— Когда слетели? — спросила Соколова.

Климов увидел её удостоверение и проснулся окончательно.

— Сегодня, наверное. Вчера люди ходили.

— Какие люди?

— Сотрудники. Я фамилии не запоминаю.

Соколова попросила его не угадывать и повела разговор сама. Сергей держался в двух шагах, как обещал. Диспетчерская занимала комнату без окон между лифтовым холлом и электрощитовой. На стене висели шесть мониторов. Двор был виден сразу на двух: общий план и участок у шлагбаума. На живой картинке грузовик медленно сдавал ко второй рампе, а охранник в светоотражающем жилете махал водителю обеими руками.

— Покажите запись за шесть утра, — сказала Соколова.

Климов сел перед клавиатурой. Программа попросила имя и пароль. Он ввёл их, выбрал камеру, поставил дату. Полоса времени под изображением осталась серой.

— Ну вот, — сказал он. — Не пишет.

— С какого дня?

— Надо смотреть.

Он листал календарь назад. Сегодня — пусто. Вчера — пусто. Неделю назад — пусто. На двадцать девятый день внизу появилась тонкая зелёная полоска. Климов нажал на неё, и двор ожил под летним дождём: рабочие катили палету с плиткой, у стены стоял незнакомый белый фургон.

— Двадцать девять дней, — сказал Артём. — Последняя запись закончилась в 23:48.

— Это когда у нас гроза была, — вспомнил Климов. — Свет моргал.

— После грозы остальные камеры писали? — спросила Соколова.

Климов открыл соседнюю камеру паркинга. Запись продолжалась без перерыва. Потом выбрал вход в подъезд — тоже всё было на месте.

— Значит, не весь сервер, — сказал Сергей.

Соколова обернулась.

— Вы проводник.

— Уже молчу.

Артём попросил журнал ошибок. Климов не знал, где он. Специалист нашёл сам: открыл служебное окно и показал длинный список красных строк. Каждые тридцать секунд программа пыталась сохранить изображение двора и получала отказ.

— Камера исправна, поток идёт, — объяснил Артём. — Записывающая программа не принимает данные именно с этого адреса. Причин несколько: закончилась выделенная квота, сбилась привязка камеры, удалили папку или изменили права доступа.

Климов нахмурился.

— Простыми словами можно?

— Смотреть можно, складывать некуда. Как вода из крана: течёт, но ведро из-под неё убрали.

— Ведро кто убрал?

— Пока неизвестно. Иногда система сама теряет настройки после обновления.

Соколова попросила показать заявки. Климов открыл почту управляющей компании и нашёл первую жалобу. Её отправил Сергей двадцать восемь дней назад, утром после грозы. В теме стояло: «Нет архива общей рампы». Ответ подрядчика пришёл через три часа: «Работы выполнены, запись восстановлена».

— Проверяли? — спросила Соколова у Сергея.

— Я посмотрел живое изображение. Оно было. Архив не открыл.

— Почему?

— Потому что торопился на обход и решил, что подрядчик сделал то, о чём написал.

— Ещё одна подпись внизу пустого листа?

— Похоже на то.

Климов нашёл ещё четыре заявки. Две отправляли диспетчеры дома, одну — заместитель управляющей галереей, последнюю — сам Климов девять дней назад. Во всех ответах подряд-

чика было написано одно и то же: неисправность устранена, запись ведётся. В двух заявках стояла отметка «проверено заказчиком», хотя ни Сергей, ни Климов её не ставили.

— Кто у вас заказчик? — спросила Соколова.

— По договору — дирекция комплекса, — ответил Климов. — Но акты закрывает общая логистика. Беляев или его заместитель.

Имя прозвучало слишком удобно. Сергей почувствовал знакомое желание сразу поставить его в центр схемы: Беляев бывал во дворе, диктовал акт, имел отношение к закрытым заявкам. Три линии сходились в одной точке. Когда-то этого хватило бы, чтобы начать давить на человека и ждать, где он ошибётся.

Теперь Сергей посмотрел на серую полосу архива и вспомнил слова Соколовой: не назначайте виноватых раньше меня.

— Беляев сам ремонт не принимает, — сказал он. — Бумаги обычно приносит секретарь, а электронную отметку может поставить бухгалтерия. У подрядчика тоже есть доступ закрывать свои заявки.

Соколова чуть приподняла бровь.

— Уже защищаете?

— Уточняю круг. Вы просили не назначать.

— Вот и не назначайте никого, включая невиновных.

Артём выгрузил список учётных записей. Полных прав оказалось семь. Два имени принадлежали сотрудникам подрядчика, одно — системному администратору управляющей компании, одно — Климову, ещё три были названы без фамилий: «Диспетчер», «Галерея» и «Логистика».

— Общие пароли? — спросил он.

Климов потёр шею.

— Так удобнее для смен.

— Где записаны?

— В тетради.

Тетрадь лежала в верхнем ящике стола. На первой странице были номера аварийных служб, на последней — имена пользователей и пароли. Рядом с записью «Логистика» кто-то нарисовал шариковой ручкой погрузчик.

Соколова надела перчатки и положила тетрадь в пакет.

— Кто входит в эту комнату?

Климов начал перечислять. Четыре диспетчера дома, два инженера, управляющая, её заместитель, сотрудники подрядчика по заявке. Уборщицы приходили утром и вечером. Охрана галереи могла войти через служебный коридор, если карта работала. У логистов был механический ключ на случай пожарной тревоги. Запасной ключ лежал в запечатанном шкафчике у поста дома.

— Беляев?

— Конечно. Он отвечает за общий двор.

— Сазонов?

— Охранник? Если дверь открыта, почему нет.

— Лаврентьев?

Климов посмотрел на Сергея.

— Тоже заходил. Мы чай пили, когда ночные разгрузки были.

Сергей кивнул. Хороший круг подозреваемых получался только на бумаге. В жизни это была проходная комната с паролем в тетради и дверью, которую иногда подпирали мусорной корзиной, когда карты снова переставали работать.

— За ночь кто дежурил? — спросила Соколова.

— Марина Ефремова. С восьми вечера до восьми утра.

— Где она?

— Домой ушла.

Соколова записала адрес и номер. Потом попросила журнал посещений. Климов достал толстую книгу в синей обложке. Записи шли аккуратно до середины месяца, затем становились редкими. За минувшую ночь была одна строка: в 02:10 приходил электрик проверить щитовую. Фамилия читалась как «Козин», подпись состояла из двух петель.

— Электрик был? — спросила Соколова.

— Наверное.

— Вы его видели?

— Я пришёл в восемь.

— Тогда не отвечайте за ночную смену.

Артём тем временем нашёл историю входов в программу. Учётная запись «Логистика» открывала настройки камеры двадцать девять дней назад в 23:51 — через три минуты после последней сохранённой записи. После этого были десятки обычных входов для просмотра живого изображения. Девять дней назад под той же записью кто-то снова заходил в настройки, но ничего заметного не менял.

— Вот вам действие, — сказал Артём. — Но оно ещё не говорит, кто сидел за клавиатурой. Общая учётная запись, пароль в тетради.

— Можно понять, с какого компьютера? — спросила Соколова.

— Первый вход был отсюда. Второй тоже. Если журналы не подчищали.

— А что изменили?

Артём сравнил старую копию настроек, сохранившуюся в резервной папке, с нынешней. Адрес камеры остался прежним. Папка архива тоже. Изменилась одна строка: вместо хранения тридцать суток стояло ноль.

Климов наклонился к экрану.

— Ноль — это навсегда?

— В этой программе ноль значит не сохранять вообще.

— Кто же так придумал?

— Производитель. Обычно рядом всплывает предупреждение.

Сергей посмотрел на время изменения. 23:51, ночь грозы. В ту смену во дворе разгружали мебель для нового подъезда, работали лифтёры, логисты, охрана дома и галереи. Беляев был на объекте до полуночи. Сергей тоже был: его вызвали из дома после скачка электричества, потому что не поднимался шлагбаум. Олег остался на посту. Полчаса дверь диспетчерской стояла открытой — люди ходили к щитовой и звонили подрядчику.

— Я в ту ночь заходил сюда, — сказал Сергей.

Соколова повернулась к нему.

— Зачем?

— Искал ключ аварийного подъёма шлагбаума. Климов не дежурил, была Ефремова. Здесь находились ещё двое монтажников и Беляев. Возможно, электрик дома. Точно не помню.

— За компьютер садились?

— Нет. По крайней мере, не помню.

— Это разные ответы.

— Тогда: не помню, чтобы садился. Уверенно сказать не могу.

Соколова записала.

— Хорошо. Кто сообщил, что запись после грозы восстановлена?

— Письмо подрядчика пришло утром. Я переслал управляющей.

— А живую картинку проверили и успокоились.

— Да.

— Получается, отсутствие архива могло начаться с ошибочного выбора в суматохе, а потом месяц держаться на чужих формальных ответах.

— Могло.

— Или кто-то намеренно отключил запись и использовал неразбериху.

— Тоже могло.

— Наконец научились произносить два варианта сразу.

Сергей не ответил. Похвала вышла неприятной, потому что заслужил он её слишком поздно.

Соколова попросила Артёма снять копии журналов и ничего не включать до завершения осмотра. Климов возмутился:

— Но если сейчас что-то случится, опять не будет записи.

— Живое изображение сохраните отдельным способом, — сказал Артём. — Я подключу временную запись на защищённый диск. Настройки исходной системы менять нельзя, пока не зафиксируем.

Он достал из рюкзака небольшой накопитель. Сергей наблюдал, как тот подписывает пакет, время и номер камеры. Простая аккуратность выглядела почти вызывающе рядом с их общими паролями, неподтверждёнными заявками и пустыми листами.

Когда они вышли в коридор, Соколовой позвонили. Она отошла к окну лифтового холла. Сергей остался с Артёмом.

— Можно один вопрос не для следствия? — спросил он.

— Если ответ не станет следствием.

— Настройку хранения легко изменить случайно?

— Легко, если человек полез восстанавливать камеру после сбоя и не прочитал предупреждение. Там список: семь, четырнадцать, тридцать, ноль. Мышь дёрнулась — выбрал соседнюю строку. Но потом нужно нажать «применить».

— А намеренно?

— Ещё легче.

— Значит, по самой настройке не отличить.

— По самой — нет. Смотрите на всё вокруг: кто вошёл, зачем, что делал после. Только это уже не ваша работа.

— Сегодня мне все это напоминают.

— Значит, есть причина.

Соколова закончила разговор.

— Ночная диспетчер Ефремова едет обратно. Говорит, в два часа к ней никто не приходил, электрика она не вызывала и запись в журнале не её рукой.

— Тогда кто впустил человека? — спросил Сергей и сразу пожалел.

— Вот с этим вопросом я разберусь сама. Вы возвращаетесь на пост.

Они прошли через служебную дверь. На этот раз Климов открыл её изнутри. В галерее было людно. У кофейни выстроилась очередь, дети крутили стойку с воздушными шарами, возле закрытого прохода к рампе двое мужчин спорили о доставке дивана. Сергей почувствовал себя так, будто вернулся из комнаты, где за стеной месяц копилась тишина, а здесь никто её не замечал.

На посту Михаил передал ему новый журнал и три записки от управляющей. В первой требовали объяснить задержку поставщиков. Во второй — указать, кто разрешил полиции доступ к диспетчерской. В третьей Алла Викторовна назначала совещание на двенадцать.

— Олег где? — спросил Сергей.

— В комнате отдыха. К нему следователь заходила, потом вышла одна.

— Он ничего не просил?

— Сигареты. Я не дал, у меня нет.

Сергей записал передачу поста, проверил каждую строку и расписался. Затем открыл журнал неисправностей. Заявка об архиве двора стояла на первой странице среди перегоревшей лампы и скрипящей двери. Напротив неё зелёной ручкой было написано: «Устранено». Подпись принадлежала ему.

Он помнил тот день. Подрядчик ответил письмом, Сергей позвонил в диспетчерскую, увидел двор на экране и поставил отметку. Не открыл календарь. Не выбрал вчерашний час. Не убедился, что картинку можно вернуть назад хотя бы на минуту. На всю проверку ушло меньше времени, чем теперь требовалось смотреть на одно слово.

— Что там? — спросил Михаил.

— Моя подпись.

— Так заявка же закрыта.

— Вот именно.

Сергей сфотографировал страницу на служебный телефон и позвал Соколову. Она пришла не сразу. Пока он ждал, Олег вышел из комнаты отдыха. Лицо у него было серым, ворот рубашки расстёгнут.

— Можно домой, — сказал он. — Сказали, пока можно.

— Иди.

Олег посмотрел на раскрытый журнал.

— Камеры подняли?

— Нет.

— Совсем ничего?

— Живое изображение есть. Записей за месяц нет.

Олег прикрыл глаза. Не облегчённо и не испуганно — просто как человек, которому больно от света.

— Я же говорил, камера не пишет.

Сергей поднял голову.

— Когда говорил?

Олег замер. Потом пожал плечами.

— Все знали. Заявки висели.

— Я не знал, что не пишет до сих пор.

— Потому что ты начальник. Начальники знают только то, под чем расписались.

— А ты проверял архив?

— Иногда. Когда водители спорили по времени приезда.

— Когда последний раз?

Олег усмехнулся без веселья.

— Опять опрашиваешь?

Сергей закрыл журнал.

— Нет. Иди домой. Телефон не выключай.

— А ты что будешь делать?

— Работать.

— Это у тебя теперь так называется?

Олег взял куртку и ушёл через главный вход. Сергей отметил время его ухода. Потом добавил: «По разрешению следователя». Эта подробность могла оказаться лишней, но впервые за утро он предпочёл лишнее слово пустому месту.

Соколова пришла вместе с ночной диспетчером. Марина Ефремова оказалась невысокой женщиной в спортивной куртке, с влажными после душа волосами. Она сердилась не на полицию, а на то, что пришлось возвращаться.

Сергей передал Соколовой журнал неисправностей и показал подпись.

— Я закрыл заявку двадцать восемь дней назад. Проверил только прямую картинку.

— Заберу копию страницы. Оригинал пока нужен вам для работы.

— Подпись моя. Никто не копировал.

— Это тоже запишем.

Ефремова ждала рядом, переминаясь с ноги на ногу. Услышав про архив, она сказала:

— Я всем говорила, что он пустой.

— Кому именно? — спросила Соколова.

— Климову. Беляеву. Охранникам, когда они просили посмотреть машины. Вчера Сазонов спрашивал запись около полуночи. Я сказала, что опять ничего нет.

Сергей почувствовал, как внутри всё собирается в быстрый вывод. Олег знал об отсутствии архива до смерти Елены. Возможно, именно поэтому решился переписать журнал. Возможно, кто-то другой тоже знал и выбрал слепой двор заранее.

Соколова взглянула на него, будто услышала этот вывод без слов.

— Зачем Сазонов спрашивал? — спросила она Ефремову.

— Сказал, водитель задел ограничитель у второй рампы. Хотел номер машины. Я открыла программу, показала пустую полосу. Он выругался и ушёл.

— Во сколько?

— Около половины первого. Может, без двадцати.

— В журнале посещений его нет.

— Он через служебную дверь вошёл. Своих мы обычно не записываем.

— Электрик в 02:10 приходил?

— Нет. Я до трёх была на месте. Потом обходила этажи с инженером, минут двадцать. Дверь заперла.

— Кто мог сделать запись?

— Не знаю. Журнал лежит на столе. Утром уже была строка, я решила, инженер записал.

Соколова увела её в свободную каморку администратора. Сергей остался у стойки. Перед ним лежали два журнала: новый, где каждая строка пока имела время и подпись, и старый журнал неисправностей, в котором зелёное «устранено» прикрывало двадцать восемь пустых суток.

Телефон завибрировал. Писала Катя: «Пап, ты перевод за общагу сделал? Сегодня последний день».

Сергей посмотрел на сообщение и вспомнил, что обещал отправить деньги утром. Он открыл банковское приложение. Сумма была приготовлена с зарплаты, но после перевода на счёте оставалось столько, что до конца месяца придётся считать бензин и продукты. Если его отстранят вместе с Олегом, следующего перевода может не быть.

Он отправил деньги и написал: «Сделал. На работе задержусь».

Катя ответила сразу: «Опять?»

Сергей набрал: «Человек погиб». Стер. Написал: «Происшествие. Позвоню вечером».

Слово «происшествие» было безопасным и пустым, как формулировка в акте. Но рассказывать дочери о смерти до разрешения следствия он не мог. Он убрал телефон.

В двенадцать Алла Викторовна собрала совещание прямо у поста. Пришли заместитель управляющей, начальник аренды и юрист по видеосвязи на планшете. Беляева не было: он всё ещё давал объяснения. Управляющая потребовала открыть третью рампу и восстановить камеры немедленно.

— Временная запись уже подключена, — сказал Сергей. — Исходные настройки зафиксированы полицией.

— Почему система не работала месяц?

— Потому что мы принимали ответы подрядчика без настоящей проверки.

— Кто «мы»?

— Я закрыл первую заявку. Остальные закрывались через логистику и управляющую компанию дома.

— То есть вы признаёте нарушение?

— Признаю, что проверил живую картинку вместо архива и поставил отметку.

Юрист на экране попросил никого больше не делать признаний без письменного запроса. Алла Викторовна сжала губы.

— Сергей Петрович, вы понимаете, что сейчас сами создаёте основания для дисциплинарного взыскания?

— Основание создал двадцать восемь дней назад. Сейчас только называю его.

— Ваша задача — защищать интересы объекта.

— Поэтому говорю, что камера не сохраняла записи. Если написать обратное, запись от этого не появится.

Заместитель управляющей кашлянул и отвёл взгляд. Юрист замолчал. За спиной Сергея на мониторе двор двигался в прямом эфире: грузчики катили палету, временный диск принимал изображение, красный индикатор мигал каждую секунду.

Соколова вышла из каморки и услышала последние слова.

— Третью рампу откроем после двух, — сказала она. — Письменное уведомление получите. До этого прошу не мешать сотрудникам.

Совещание закончилось без решения, как заканчиваются разговоры, в которых решение уже принял кто-то другой. Алла Викторовна ушла первой. У дверей она остановилась.

— После смены останетесь. Будет служебная проверка.

— Останусь.

Когда все разошлись, Соколова положила перед Сергеем копию протокола изъятия.

— Мы установили длительность провала: с 23:51 двадцать девять дней назад до сегодняшнего подключения временной записи. Доступ к настройкам был у слишком большого числа людей. Ночная запись в журнале диспетчерской пока не подтверждена. Это факты.

— А то, что Олег знал о пустом архиве вчера ночью?

— Тоже факт со слов Ефремовой, который нужно проверить.

— Он мог рассчитывать, что его действия не попадут на запись.

— Мог. Или искал машину, которая задела ограничитель. Или придумал ограничитель как повод проверить камеру. Три версии — и ни одна пока не доказана.

Сергей кивнул.

— Беляев тоже знал?

— Ефремова говорит, что сообщала ему раньше. Он подтверждает, что получал заявки. Этого достаточно, чтобы проверить, но недостаточно, чтобы сделать ваш любимый быстрый вывод.

— Он уже не любимый.

— Привычки редко уходят за одно утро.

Она забрала журнал неисправностей для копирования страницы.

— И ещё. Не обсуждайте с Сазоновым его визит к диспетчеру. Если он вам позвонит, не задавайте вопросов.

— Понял.

— Правда поняли или подпись поставите?

— Проверю исполнение.

Соколова ушла. Сергей посмотрел на монитор. Теперь возле номера двенадцать горела красная точка записи. Она означала лишь то, что происходящее сейчас сохранится на диске. Не то, что камера видит всё. Не то, что люди перед ней говорят правду. И уж точно не то, что отсутствие вчерашней картинки само по себе указывает на виновного.

В 12:24 он сделал в новом журнале запись: «Временное сохранение изображения камеры погрузочного двора подключено специалистом полиции. Архив отсутствует за двадцать девять суток. Причина устанавливается».

Сергей перечитал строку. Ему хотелось добавить имена, общие пароли, визит Олега и учётную запись логистики. Хотелось собрать всё в одну версию и почувствовать, что пустота наконец получила форму.

Он не добавил.

Пустой архив был удобен многим. Водителям, опаздывавшим к разгрузке. Грузчикам, нарушавшим маршрут. Управляющим, принимавшим работы на словах. Охранникам, не желавшим писать объяснения. Человеку, который составил акт до вызова скорой. Но удобство ещё не было доказательством, а отсутствие записи — не записью преступления.

Сергей поставил подпись после последнего слова и только тогда закрыл журнал.

Глава 4. Напарник

Олег позвонил в половине второго.

Сергей увидел имя на экране и не ответил. Через минуту пришло сообщение: «Надо поговорить. Не по телефону». Следом — адрес круглосуточной столовой за автовокзалом.

Сергей показал сообщения Соколовой. Она прочитала, вернула телефон и спросила:

— Что собирались делать?

— Позвонить вам.

— Уже лучше. Встречаться не будете.

— Он может исчезнуть.

— Сазонов не задержан. Исчезнуть — его право, пока не станет способом уклониться от вызова. Адрес у нас есть.

— Если вы приедете с группой, он замкнётся.

— А если поедете вы, получите признание, которое потом придётся отделять от вашего давления. Семь лет вне полиции, а всё ещё верите, что правильный разговор важнее правильной фиксации.

Сергей убрал телефон.

— Тогда что делать?

— Ответьте: «Свяжись со следователем». Без вопросов и обещаний.

Он набрал фразу. Олег прочитал сразу, но долго ничего не писал. Потом на экране появилось: «Я хотел тебе объяснить».

Сергей не ответил.

В два часа открыли третью рампу. Криминалисты унесли пакеты, полицейскую ленту сняли, бетон промыли только вокруг номерков, оставив тёмные полосы от старой грязи. Поставщики торопились наверстать утро. Синюю тележку увезли на исследование, и пустое место у стены бросалось в глаза сильнее самой тележки.

Сергей проверял пропуска у водителей, когда Соколова вышла из служебной двери.

— Сазонов пришёл сам, — сказала она. — Сидит в комнате отдыха. Просит, чтобы при разговоре были вы.

— Зачем?

— Говорит, объяснение касается вашей подписи. Я могу отказать. Но хочу понять, что именно он собирается вам показать.

— Я буду молчать.

— Нет. Вы будете отвечать только о собственных действиях, если я спрошу. Не спорить, не утешать, не подсказывать даты. Справитесь?

— Попробую.

— Тогда не справитесь. Мне нужно «да» или «нет».

— Да.

В комнате отдыха Олег сидел за столом. Перед ним лежал коричневый конверт. Куртку он не снял, хотя в помещении было душно. Рядом с Соколовой устроился Кравчук с ноутбуком. На краю стола стоял диктофон.

Соколова назвала дату, время и присутствующих. Разъяснила Олегу, что он может не свидетельствовать против себя и воспользоваться помощью адвоката. Олег выслушал, глядя на конверт.

— Адвоката потом, — сказал он. — Сначала я должен сказать Сергею.

— Вы даёте объяснение мне. Лаврентьев присутствует по вашей просьбе.

— Он должен услышать.

Сергей сел у двери.

— Слышу.

Олег провёл ладонью по столу.

— Акт я сделал. Не Беляев. Я.

Кравчук перестал печатать и посмотрел на Соколову. Та не изменилась в лице.

— Что значит «сделал»?

— Открыл старый акт, заменил фамилию, дату и место. Распечатал.

— Во сколько?

— Не помню точно. Около двадцати минут седьмого.

— В очереди печати указано 06:19:08.

— Значит, тогда.

— Где в этот момент находилась Елена Орлова?

Олег сжал пальцы.

— У рампы.

— Живая?

— Я не знаю.

— Вы её видели?

— Видел, что лежит.

— Подходили?

— Нет.

Сергей невольно подался вперёд. В первой версии Олег говорил, что подошёл, проверил пульс и только потом позвонил. Соколова заметила движение.

— Лаврентьев, — предупредила она.

Он откинулся на спинку стула.

— Почему вы не подошли? — спросила Соколова.

— Мне сказали не трогать.

— Кто?

Олег посмотрел на Сергея, словно ответ был написан у него на лице.

— Беляев. Он пришёл на пост и сказал, что женщина упала у рампы. Сказал подготовить бумагу, пока он вызовет начальство.

— Не скорую?

— Начальство.

— Какими словами велел составить акт?

— Несчастный случай, падение с края рампы, посторонних нет. Я открыл шаблон.

— Почему подчинились?

— Он начальник логистики. Двор его.

— А вы охранник. Обнаружение человека без сознания требует вызова помощи, а не документа.

— Я не видел её до этого.

— Вы только что сказали, что видели у рампы.

— После акта.

Соколова не торопила. Тишина давила на Олега сильнее вопроса.

— Расскажите по порядку, — сказала она. — С момента, когда Беляев вошёл на пост.

Олег закрыл глаза.

— Было около шести десяти. Может, позже. Он вошёл со двора. Сказал, Орлова упала, надо оформить, чтобы поставки не встали. Я спросил про скорую. Он сказал, уже разбираются. Продиктовал слова. Я сделал акт. Потом вышел во двор, увидел её. Беляев стоял у служебной двери. Я подошёл ближе, но он сказал не трогать до приезда ответственных.

— Каких ответственных?

— Не знаю. Я думал, управляющей или врача.

— Когда вы проверили пульс?

— После шести тридцати. Когда Беляев ушёл.

— Почему вызов скорой сделан в 06:41:17?

— Потому что я испугался.

— Чего?

Олег посмотрел на конверт.

— Антон был там.

Имя прозвучало тихо. Сергей почувствовал не удивление, а тяжёлое подтверждение. Антонина заговорила о сыне раньше вопроса. Олег переписал журнал. Пустая камера была известна ему заранее. Всё складывалось, но теперь каждая деталь означала не то, что Сергей успел ей приписать.

— Где именно? — спросила Соколова.

— В служебном проходе возле лестницы. Я увидел его, когда пошёл к Елене. Он сидел на корточках, его трясло.

— Что он сказал?

— Что пришёл за деньгами. Беляев задолжал ему за разгрузки. Потом услышал крик и спрятался.

— Он видел падение?

— Сказал, что нет.

— Вы ему поверили?

— Он сын Антонины. Я знаю его с шестого класса. Парень глупый, но не злой.

— Это не ответ.

— Поверил.

Соколова спросила, где Антон сейчас. Олег ответил, что не знает. Утром он велел ему уйти через паркинг и никому не говорить о ночном визите.

— В какое время?

— Около половины седьмого.

— До вызова скорой.

— Да.

— Значит, вместо помощи женщине вы сначала вывели свидетеля.

Олег ударил ладонью по столу.

— Я не знал, что она жива! Беляев сказал, что всё кончено.

— Вы проверили?

Олег опустил руку.

— Нет.

Сергей смотрел на старого напарника и вспоминал их ночные смены. Олег мог сорваться с обеда, чтобы помочь посетителю искать потерянный телефон. Мог час сидеть с ребёнком, пока мать бегала по магазинам. Мог отдать куртку замёрзшему водителю. Жалость в нём всегда действовала быстрее правил. Сергей считал это добротой, пока та не потребовала отложить вызов скорой ради испуганного знакомого мальчишки.

— Что вы сделали с журналом? — спросила Соколова.

— Переписал страницу.

— Подробно.

— В ночном журнале было записано, что Антон вошёл в 23:36 через рампу и должен уйти после разгрузки. Я вырезал лист. Взял запасной бланк, переписал предыдущие записи и добавил обнаружение тела в 06:25. Написал, что посторонних не было.

— Где вырезанный лист?

Олег коснулся конверта.

— Здесь.

Соколова надела перчатки. Олег тоже потянулся к конверту, но она остановила его.

— Не трогайте. Кравчук, оформляйте добровольную выдачу.

В конверте оказался лист в клетку с рваными отверстиями по краю. В верхней части шли записи ночной смены. В 23:36 рукой Олега было написано: «Допущен временный грузчик А. Мельник по устному указанию Р. В. Беляева, разгрузка возвратов, рампа 3». Ниже стояла отметка 00:18: «Архив камеры 12 отсутствует, номер повредившей ограничитель машины не установлен». Последняя строка обрывалась на времени 05:58.

— Что было после 05:58? — спросила Соколова.

— Я начал писать, что Беляев вошёл со двора. Потом вырвал страницу.

— Почему сохранили?

— Не смог выбросить.

— Но подложить новую смогли.

— Смог.

Кравчук описывал лист. Сергей видел знакомые сокращения Олега, его широкую букву «д», жирную точку после времени. Это был тот самый журнал, который они вели годами, не считая важным документом, пока одна вырванная страница не стала важнее всех аккуратно переписанных.

— Теперь подпись Лаврентьева, — сказала Соколова.

Олег поднял взгляд.

— На акте я обвёл её через стекло.

Сергей не сразу понял.

— Какое стекло?

— Положил старый подписанный лист на окно, сверху акт. Светло уже было. Обвёл ручкой.

— Мою подпись.

— Да.

— Ты мог поставить свою.

Соколова подняла ладонь, но Олег ответил:

— Тогда бы спросили меня. А ты заступал утром, и Беляев сказал, что старший смены всё подпишет. Я думал, ты поймёшь.

— Что именно я должен был понять?

— Что Антона нельзя отдавать им. У него мать одна, денег нет, судимость — и всё, жизнь закончена.

— У него не было судимости.

— Была условка по краже в магазине, когда семнадцать исполнилось. Антонина просила никому не говорить.

— Поэтому ты решил, что можно не вызывать скорую?

— Я не решал! Я думал, Беляев уже вызвал. Потом увидел Антона, потом акт, журнал — всё навалилось.

— А телефон стоял в двух метрах.

— Тебе легко. Ты всегда знаешь, как надо, когда уже поздно.

Сергей хотел напомнить про пустые подписанные листы. Сказать, что именно его небрежность дала Олегу готовую подпись и надежду на молчаливое согласие. Но это было бы попыткой разделить вину прямо сейчас, сделать признание напарника менее тяжёлым.

— Моя подпись оказалась доступна из-за меня, — сказал он. — Но обвёл её ты.

— Вот. Уже делишь.

— Нет. Называю два действия.

Соколова вмешалась:

— Достаточно. Лаврентьев, дальше молчите.

Она вернулась к Олегу.

— Беляев знал, что Антон находится во дворе?

— Сам его пустил. В журнале написано.

— Видел его после обнаружения Орловой?

— Не знаю. Когда я нашёл Антона, Беляев был у двери. Мог видеть, мог нет.

— Беляев просил удалить запись о Мельнике?

— Нет. Он сказал оформить несчастный случай и не задерживать поставки. Про журнал я решил сам.

— Подпись Лаврентьева предложил использовать он?

Олег помедлил.

— Сказал, старший утром подпишет. Обвести подпись я придумал сам.

— Формулировку «посторонних нет» кто продиктовал?

— Беляев.

— Хотя сам допустил Мельника?

— Да.

Соколова записала ответ отдельно. Затем спросила о синей тележке. Олег сказал, что увидел её возле тела уже после составления акта. Обычно тележка стояла в подсобке «Вольта», но ночью работники возили на ней возвраты. Кто привёз её к рампе, он не видел.

— Елена Орлова приходила на пост? — спросила Соколова.

— Вечером, около девяти. Спрашивала Беляева. Я сказал, что он на складе.

— Она объяснила зачем?

— Сказала, хочет сверить ночной вывоз. У неё была папка и маленькая коробка.

— Какая коробка?

— От ноутбука, кажется. Заклеена красной бумажной полосой.

Сергей вспомнил красный обрывок возле колеса тележки. Он видел его утром, но решил, что это упаковочный мусор. Криминалист положил полоску в пакет.

Соколова спросила, где Елена находилась после девяти. Олег не знал. В 23:36 он впустил Антона, потом следил за разгрузкой у второй рампы. Около полуночи водитель задел резиновый ограничитель. Олег пошёл в диспетчерскую искать номер машины и убедился, что архив пуст. Вернулся на пост. В час Беляев сказал, что работы закончат без охраны. До шести Олег несколько раз обходил галерею, но точное время подтвердить не мог.

— Почему утром вы назвали обнаружение в 06:25?

— Посмотрел на часы, когда выводил Антона. Было около половины. Записал красивое время.

— Красивое?

— Круглое. Чтобы не путаться.

— И всё равно запутались.

Олег потёр лицо.

— Я не убивал её.

— Вас сейчас спрашивают о документах и действиях после обнаружения. Причину смерти устанавливает экспертиза, обстоятельства — следствие.

— Но вы думаете на меня.

— Я думаю о том, что вы задержали вызов помощи, вывели возможного свидетеля, подделали журнал и чужую подпись. Это уже не мысль, а ваши слова и выданный лист.

Олег повернулся к Сергею.

— Скажи ей. Я не мог.

Сергей выдержал его взгляд.

— Я не знаю, что ты мог.

— Двадцать лет знаем друг друга.

— Поэтому особенно не знаю.

Олег отшатнулся, будто Сергей ударил его. В эту секунду жалость была почти невыносимой. Хотелось сказать, что он верит: Олег не причастен к смерти. Но вера друга не могла стать фактом. Она уже однажды стала для Олега разрешением решить за всех, кого спасать первым.

Соколова закончила опрос через сорок минут. Олег согласился проехать в отдел для оформления показаний и получения образцов почерка. Наручники на него не надели. У двери он задержался рядом с Сергеем.

— Антонину предупреди, — шепнул он.

— Нет.

— Она мать.

— Поэтому следователь поговорит с ней сама.

— Ты стал чужим.

Сергей посмотрел на выданный лист в прозрачном пакете.

— Нет. Просто больше не подпишу то, чего не видел.

Олег ушёл между Кравчуком и Соколовой. Дверь закрылась.

Сергей остался в комнате отдыха. На столе виднелся влажный круг от бумажного стакана. Конверт забрали, диктофон выключили, стулья стояли криво. Всё выглядело буднично, словно здесь обсуждали график смен.

На посту Михаил спросил:

— Олега задержали?

— Он поехал давать показания.

— А что натворил?

— Спроси у руководства, когда разрешат сообщить.

Сергей открыл новый журнал. В 15:07 записал: «О. Н. Сазонов покинул объект в сопровождении сотрудников полиции». Рука сама хотела добавить причину, но он остановился. Причина состояла из нескольких разных действий, и каждое требовало своей строки в чужих документах.

Телефон снова завибрировал. На этот раз звонила Антонина Мельник. Сергей смотрел на экран, пока звонок не прекратился. Она позвонила ещё раз. Потом пришло сообщение: «Сергей Петрович, вы не знаете, где Антон?»

Он передал сообщение Соколовой. Ответ пришёл через минуту: «Не отвечайте. Едем к ней».

Сергей убрал телефон и вышел во двор. Третья рампа работала. Грузчик толкал обычную серую тележку, водитель сверял коробки, шлагбаум поднимался и опускался. На бетоне остался чистый прямоугольник там, где лежала Елена.

Олег признал подделку. Объяснил её жалостью. Выдал настоящий лист. Эти факты не отвечали, кто причинил Елене смерть, когда именно это произошло и почему акт начали составлять прежде помощи. Они только показали, как быстро один человек может назвать ложь защитой, если боится за знакомого сильнее, чем смотрит на незнакомого у своих ног.

Сергей проверил время на часах и вписал в пропуск номер прибывшей машины. На этот раз цифры были некруглыми и некрасивыми. Зато настоящими.

Глава 5. Чужая жалость

Антонина жила в четвёртом корпусе «Ясного берега», над ещё не открывшейся аптекой. Сергей знал это не из личных разговоров. В списке сотрудников клининга адрес стоял рядом с телефоном и номером пропуска, а под фотографией Антонины была прикреплена записка: «Не ставить на ранние смены по четвергам». По четвергам она возила мать в поликлинику.

В половине пятого Соколова написала, что квартира пуста. Соседка видела Антонину десять минут назад: та вышла с пакетом и пошла не к остановке, а через двор. Телефон Антона был выключен. Телефон матери звонил, но она не отвечала.

Сергей прочитал сообщение дважды и посмотрел через стекло поста. Между корпусами тянулся двор без машин. Молодые клёны держались на растяжках, детская площадка блестела после короткого дождя, на резиновом покрытии стояли перевёрнутые самокаты. Из жилого комплекса в галерею можно было попасть тремя путями: через главный вход, через паркинг и через служебный коридор, которым пользовались уборщики и техники. Если Антонина хотела спрятать сына там, где знала каждый подсобный угол, она могла привести его на тот же объект, откуда утром помогли уйти.

Он набрал Соколову.

— У нас есть старые комнаты клининга в первом корпусе. Одна закрыта после протечки, но Антонина хранит там инвентарь.

— Откуда знаете?

— В январе проверял замки. Комната сто семнадцать, вход из коридора между паркингом и рампой.

— Не идите туда.

— Я на смене. Если они внутри объекта, это моя зона.

— Ваша зона — охрана имущества и порядок. Не розыск свидетеля.

— А если он пришёл без пропуска?

— Зафиксируете после того, как мы его найдём. Лаврентьев, вы уже один раз сегодня правильно не предупредили мать. Не испортите это правильное действие следующим.

Сергей посмотрел на схему объекта над столом. Комната сто семнадцать была обозначена как техническая, хотя трубы оттуда вынесли ещё весной. До неё Соколовой ехать не меньше двенадцати минут. За двенадцать минут можно уйти через паркинг, подняться в любой подъезд, сесть в такси у соседней улицы.

— Понял, — сказал он.

— Это снова означает «да» или «попробую»?

— Останусь на посту.

Он положил телефон экраном вниз.

Михаил оформлял пропуск курьеру с цветами. Курьер назвал номер квартиры, получил бумажный талон и спросил, где пройти в жилую часть. Сергей объяснил дорогу через улицу. Служебный коридор соединял здания, но для посетителей был закрыт. Пока курьер переписывал номер машины, у боковой двери коротко пискнул считыватель.

На мониторе появилась Антонина. Она приложила карту, придержала дверь плечом и втянула внутрь тяжёлый синий пакет. За ней никого не было. Капюшон закрывал волосы, лицо оказалось красным не то от быстрой ходьбы, не то от слёз.

Сергей взял рацию.

— Пост два, видишь сотрудницу клининга у коридора Б?

— Вижу, — ответил Михаил, хотя стоял рядом.

Сергей специально произнёс вопрос в эфир. Запись переговоров хранилась три месяца.

— Не останавливай. Отметь время входа: шестнадцать сорок три.

Антонина скрылась из кадра. Через две минуты она прошла мимо другой камеры, уже без пакета. Значит, оставила его в подсобке или передала кому-то. Потом поднялась по лестнице к этажам галереи и вошла в служебный туалет.

Сергей сообщил Соколовой время и маршрут. Ответ был коротким: «Пять минут».

На четвёртой минуте дверь туалета открылась. Антонина вышла в рабочем халате, с ведром и шваброй. Смена у неё начиналась в шесть вечера. Она пришла раньше почти на час и переоделась так, будто ничего не происходило.

Сергей встретил её у турникета.

— Добрый день, Антонина Павловна.

Она вздрогнула и прижала ручку швабры к груди.

— Вы мне не ответили.

— Не мог.

— Олега забрали?

— Он даёт показания.

— А Антон при чём? Он ничего не сделал.

Вопрос прозвучал как утверждение, приготовленное заранее.

— Я не знаю, что сделал Антон.

— Тогда зачем его ищут?

— Чтобы спросить, что он видел.

— Он ничего не видел.

Сергей заметил каплю воды на её рукаве. Дождь закончился двадцать минут назад, а от четвёртого корпуса до галереи шли под навесом. Вода могла остаться от мокрого пакета или от раковины. Раньше он ухватился бы за мелочь, подал её как доказательство лжи и ждал, пока человек начнёт оправдываться. Сейчас он только запомнил.

— Откуда вы знаете?

Антонина сжала губы.

— Он мой сын.

— Это не ответ.

Собственные слова показались Сергею голосом Соколовой. Антонина услышала другое — угрозу. Поставила ведро, шагнула ближе.

— Вы все одинаковые. Пока человек работает за двоих, его не замечаете. А случится что — сразу сын уборщицы виноват. Потому что за него никто не вступится.

— Олег вступился.

— И правильно сделал.

— Он задержал скорую.

Антонина отвела взгляд.

— Не из-за Антона.

— Из-за него тоже.

— Там уже нечего было делать.

— Кто вам сказал?

Она поняла ошибку и потянулась к ведру.

— Я не обязана с вами разговаривать.

— Не обязаны.

Сергей отступил, освобождая проход. Это удивило её сильнее нажима. Она взяла ведро и пошла к эскалаторам, слишком быстро для человека, который собирался мыть пол.

Из боковой двери вошла Соколова. С ней был Кравчук. Они не бежали, не перекрывали выход и не звали Антонину. Соколова показала Сергею рукой оставаться на месте, а сама догнала уборщицу у закрытого магазина обуви.

Разговор занял меньше минуты. Антонина качала головой, потом поставила ведро и повела их обратно к служебному коридору. У двери комнаты сто семнадцать Кравчук включил нагрудную камеру. Соколова попросила Антонину открыть замок. Та достала из кармана связку ключей.

Сергей наблюдал с конца коридора. Подойти ближе ему никто не разрешал. Замок заедал; Антонина навалилась плечом, дверь открылась, выпустив запах сырой штукатурки. Первым вошёл Кравчук, за ним Соколова. Антонина осталась снаружи.

Через несколько секунд из комнаты вывели Антона.

Он был выше матери и казался младше своих двадцати лет. Светлые волосы слиплись на лбу, на щеке темнела ссадина. На нём была чёрная толстовка без рисунка, серые рабочие брюки и чистые кроссовки, слишком чистые для ночной разгрузки. В руках он держал бутылку воды. Синий пакет лежал у двери; из него торчал рукав сухой куртки.

Антонина бросилась к сыну.

— Я сказала, он сам придёт. Я только одежду принесла.

— Мам, не надо, — сказал Антон.

Голос у него был хриплый. Он увидел Сергея и замер.

— Это он, — сказал Антон.

Сергей не понял, обвинение это или просьба о помощи.

Соколова повернулась к нему.

— Лаврентьев, вернитесь на пост.

— Комната относится к объекту.

— Мы зафиксируем состояние и передадим вам сведения, которые можно внести в журнал. Сейчас вы мешаете.

Антон смотрел только на Сергея.

— Олег Николаевич сказал, вы разберётесь.

— Именно поэтому я уйду, — ответил Сергей.

На посту он записал: «В 16:51 в ранее закрытой технической комнате 117 сотрудниками полиции обнаружен гражданин А. Мельник. Доступ предоставила А. П. Мельник. Дальнейшие обстоятельства устанавливают сотрудники полиции». Ни слова о бегстве, укрывательстве или виновности. Антон находился в комнате — это Сергей видел. Зачем находился, должен был объяснить сам.

Через час Соколова позвала Сергея в комнату управляющей. Антонина сидела в коридоре с Кравчуком. Антона опрашивали с адвокатом, которого нашла мать. Молодая женщина в тёмно-зелёном пиджаке раскладывала на столе блокнот и документы. Она попросила уточнить, в каком качестве пригласили её доверителя.

— Пока как лицо, располагающее сведениями, — сказала Соколова. — Он пришёл добровольно после обнаружения, задержание не проводилось.

Адвокат посмотрела на Антона.

— Вы понимаете, что можете не отвечать на вопросы, если ответ способен навредить вам?

— Понимаю.

— Хотите отвечать?

Он кивнул.

— Словами, пожалуйста.

— Да.

Сергей сел у стены. Соколова заранее предупредила: он нужен только для уточнения порядка доступа на объект и не задаст Антону ни одного вопроса без её разрешения.

Антон рассказал, что последние две недели подрабатывал у Беляева. Официально его оформляли на три смены через фирму-посредника, но потом Беляев стал звонить напрямую и

платить наличными. В ночь смерти обещал две тысячи рублей за перенос возвратов из магазина «Вольт» к третьей рампе.

— Что вы называете возвратами? — спросила Соколова.

— Коробки. Ноутбуки, планшеты, ещё что-то. Я не смотрел.

— Коробки были запечатаны?

— Некоторые да. На некоторых скотч уже резаный.

— Сколько их было?

— Сначала восемь. Потом Роман Викторович привёз ещё три на синей тележке.

— Во сколько?

Антон посмотрел на стол.

— Не знаю. После двенадцати.

— Почему в 23:36 Сазонов записал, что вы допущены для разгрузки возвратов, если, по вашим словам, работа началась позже?

— Я ждал. Беляев сказал сидеть возле клетки и не лезть.

— Вы получили деньги?

— Нет. Он сказал, отдаст утром.

— Поэтому остались до утра?

— Не только.

Антон потёр ссадину. Адвокат положила ладонь рядом с его рукой, не касаясь.

— Не торопитесь.

— Там женщина пришла. Елена Сергеевна. Я её знал, она документы на подработку проверяла. Она увидела коробки и спросила, почему их тащат ночью. Беляев велел мне выйти.

— Куда?

— В коридор у лестницы. Я вышел, но куртка осталась возле клетки. На улице холодно было. Я ждал, когда они закончат.

— Что происходило дальше?

— Они ругались.

— Какие слова вы слышали?

— Она сказала: «Я сверила номера». Ещё сказала, что утром пойдёт к владельцу, не к Ларисе. Беляев говорил тише. Я не всё слышал. Потом он сказал, что она сама подписывала бумаги. Она ответила: «Недостачу — да, это — нет».

Соколова записала фразу и попросила повторить дословно. Антон повторил, но уже не был уверен, стояло ли слово «это» в конце или в середине. Соколова сохранила обе версии, не выбирая удобную.

— Вы видели спорящих?

— Сначала видел. Потом дверь закрыли.

— Кто закрыл?

— Не знаю. Я отвернулся, дверь уже была закрыта.

— Слышали удар?

Антон долго молчал.

— Как будто тележка в ограничитель въехала. Один раз. Потом женщина крикнула.

— Что именно?

— Просто «эй» или «стой». Я не разберу.

— После этого?

— Тихо стало. Потом дверь открылась. Я испугался и спрятался под лестницей.

— Кого видели?

— Никого.

Сергей почувствовал раздражение. Дверь открылась, человек был в нескольких метрах, но Антон никого не видел. Удобное слепое место появлялось в каждом его ответе. Старое чутьё

требовало нажать: где стоял, почему отвернулся, как мог не заметить. Сергей сжал ручку стула и промолчал.

Соколова разложила перед Антоном распечатанный план коридора.

— Покажите, где находились.

Он отметил точку возле лестницы. Оттуда дверь рампы была видна только узкой полосой между бетонной колонной и шкафом пожарного крана.

— Свет горел?

— В коридоре да. Во дворе один фонарь мигал.

— В очках или линзах нуждаетесь?

— Нет.

— Употребляли алкоголь или что-то ещё?

— Нет.

Адвокат попросила зафиксировать, что внешних признаков опьянения при обнаружении не отмечено, а медицинское освидетельствование ночью не проводилось. Соколова продиктовала это Кравчуку.

— Когда вы увидели Орлову у рампы? — спросила она.

Антон сглотнул.

— Не сразу.

— Что было сначала?

— Беляев прошёл по коридору. Я видел только спину. На нём была тёмная жилетка.

— Почему раньше сказали, что никого не видели?

— Вы спросили, кого я видел, когда дверь открылась. Тогда никого. Он вышел позже.

— Насколько позже?

— Не знаю. Может, десять минут. Может, полчаса.

— Куда пошёл?

— К посту охраны. Потом вернулся. Я сидел тихо.

— Один?

— Когда вернулся — один.

— Что делал?

Антон посмотрел на адвоката. Та тихо сказала:

— Если ответ может указывать на ваше участие, вы вправе не отвечать. Решение ваше.

— Я не помогал ему, — сказал Антон. — Он катал тележку. Синюю. Из двери к рампе и обратно. Я видел колёса и ноги, целиком не видел.

— На тележке что-то было?

— Сначала коробки. Потом… не знаю.

— Что значит «не знаю»?

Антон закрыл лицо ладонями. Мать за дверью что-то сказала Кравчуку, но слова не разобрали.

— Я видел руку, — произнёс Антон. — Она свисала сбоку. Я подумал, она умерла. Беляев накрыл её своей курткой или покрывалом, не знаю. Довёз до края рампы и опустил на бетон.

В комнате стало слышно, как за стеной работает автомат с напитками.

— Вы уверены, что тележку вёз Беляев?

— Видел жилетку и ботинки.

— Только у него такая одежда?

— Нет. У половины грузчиков тёмные жилетки.

— Лицо видели?

— Когда он потом пошёл к посту. Да.

— Видели момент, когда Орлова получила повреждение?

— Нет.

— Видели, кто причинил ей повреждение?

— Нет.

Соколова произнесла вопросы раздельно. Сергей понял, зачем: Антон видел перемещение женщины человеком, которого опознал как Беляева, но не видел ни падения, ни удара. Это было важное свидетельство, однако не готовый ответ на всё дело.

— Почему не позвонили в скорую? — спросила Соколова.

— Телефон в куртке остался. Я боялся выйти.

— Почему не закричали?

— Я судимый.

— Условно, за что?

— Украл телефоны со склада. Мне семнадцать было.

— Срок погашен?

Адвокат подтвердила, что да.

— Это не мешало вызвать помощь, — сказала Соколова.

— Вам не мешало бы. А меня нашли бы возле мёртвой женщины ночью, куда меня пустили без оформления. Кто бы слушал?

Сергей услышал в этих словах не только страх Антона. Семь лет назад он сам мог стоять по другую сторону стола и считать прошлую судимость удобным началом разговора. Не доказательством, конечно. Никто из опытных не называл её доказательством. Но вопросы строились так, что человек весь вечер оправдывал старое прежде, чем успевал рассказать новое.

— Когда появился Сазонов? — спросила Соколова.

— Уже светло было. Он нашёл меня под лестницей. Я сказал про тележку и Беляева. Он велел молчать.

— Почему?

— Сказал, сначала разберётся, иначе меня закроют. Вывел через паркинг.

— Он спрашивал, жива ли Орлова?

— Я сказал, что не знаю. Он подошёл к ней, потом вернулся белый. Сказал: «Поздно».

— После этого сразу вызвал скорую?

— Не при мне. Сначала вывел меня.

Сергей посмотрел на часы на стене. Между подготовленным актом и звонком прошло двадцать две минуты. Теперь в эти минуты помещались не одна паника и не одна ошибка. Беляев шёл на пост, возвращался к рампе, Олег находил Антона, слушал его, смотрел на Елену и всё равно выбирал сначала открыть дверь паркинга.

— Олег Николаевич хороший, — сказал Антон. — Он меня спас.

Сергей не удержался:

— От чего?

Соколова резко повернулась к нему, но Антон уже ответил:

— От вас таких.

Адвокат попросила занести вопрос и ответ в запись. Соколова согласилась, затем объявила перерыв.

В коридоре Сергей подошёл к окну. Внизу третья рампа принимала вечернюю машину. Водитель спорил с охранником из-за опоздания, грузчики тянули пустые поддоны. Жизнь объекта выталкивала утреннюю смерть за край расписания.

Соколова встала рядом.

— Я запретила вам задавать вопросы.

— Знаю.

— Тогда зачем?

— Потому что он назвал спасением то, что могло стоить Елене помощи.

— И решили переубедить его во время опроса?

— Нет.

— Решили. Только не успели.

Сергей не спорил.

— Его слова про тележку вам подходят, — продолжила Соколова. — Поэтому вы почти готовы простить ему всё остальное. Ночное нарушение, молчание, прятки. А Олегу подходил его страх, поэтому он простил ему заранее даже то, о чём не спросил. Видите разницу между вами?

— Пока небольшую.

— Разница будет в следующем действии. Не в том, что вы чувствуете.

Антонина сидела на скамье, сцепив руки. Когда Сергей проходил мимо, она поднялась.

— Вы довольны? — спросила она. — Нашли преступника?

— Нет.

— А зачем тогда таскаете его по кабинетам?

— Потому что он видел важное.

— Он испугался.

— Да.

— Вы бы не испугались?

Сергей хотел ответить, что вызвал бы скорую. Но это было слишком лёгкое мужество задним числом. У него был телефон, удостоверение, привычка говорить с полицией и уверенность, что его выслушают. У Антона не было почти ничего из этого. Страх объяснял его поступок. Не делал поступок правильным, но и не превращал Антона в убийцу.

— Испугался бы, — сказал Сергей. — Не знаю, что сделал бы потом.

Антонина не ожидала ответа. Плечи у неё опустились.

— Олег знал, что у Антона условка была. Знал, как его в прошлый раз в отделе держали. Поэтому помог.

— А Елену он не знал.

— При чём тут это?

— При том, что ей помощь тоже была нужна. Жалость не должна выбирать знакомого первой только потому, что его имя известно.

Антонина отвернулась.

Опрос продолжился без Сергея. Соколова отправила его на пост и обещала вызвать, если понадобятся сведения о ключах или маршрутах. Он вернулся к журналу, проверил записи Михаила и увидел пустую строку между шестнадцатью сорока тремя и шестнадцатью пятьюдесятью одной.

— Почему не записал пакет? — спросил Сергей.

— Какой пакет?

— Синий. Антонина внесла его через боковую дверь.

— Так она сотрудница. У них вечно тряпки, химия.

— Ты видел, что внутри?

— Нет.

— Тогда так и напиши: вошла с синим пакетом. Не «пронесла вещи для сына», не «спрятала одежду». Только что видел.

Михаил внёс запись и спросил:

— А это разве важно?

— Пока не знаю.

Сергей открыл акт, который утром составил Олег. На гладкой бумаге всё было решено заранее: падение, отсутствие посторонних, несчастный случай. Неизвестное превратили в ясное одним нажатием клавиши. Теперь Сергей видел, как легко то же самое происходило в голове. Сын уборщицы с погашенной судимостью становился удобным виновным. Старый

напарник, помогавший людям, — невиновным. Логист, которого видели с тележкой, — убийцей. Каждому выдавали окончательную роль раньше, чем собирали время, следы и слова.

В девять вечера Соколова прислала краткое сообщение: Антон подтвердил незаконный вход, работу без оформления, молчание и наблюдение за перемещением Елены. Его одежду и телефон добровольно передали для осмотра. Следователь отдельно подчеркнула: прямого наблюдения момента причинения травмы нет. Беляева вызывают на допрос. Сведения Антона будут проверять по предметам, времени и другим показаниям.

Сергей скопировал в свой блокнот только последнюю фразу: «Будут проверять».

Олег позвонил после десяти. На этот раз с незнакомого номера.

— Антона нашли? — спросил он без приветствия.

— Да.

— Он всё рассказал?

— Не знаю всего, что он рассказал.

— Не ври. Ты там был.

— Был на части опроса.

— И теперь думаешь, что я зря его вывел?

Сергей посмотрел на журнал. Рядом с записью о входе Антонины стояло точное время.

— Ты вывел свидетеля до вызова скорой.

— Опять одно и то же. Она уже умерла.

— Ты это установил?

Олег молчал.

— Ты врач? — спросил Сергей.

— Беляев сказал.

— Значит, поверил человеку, о котором Антон говорил тебе утром?

На другом конце послышался шум улицы.

— Я хотел спасти пацана.

— Ты выбрал, кого спасать, не проверив, можно ли помочь другому.

— Легко тебе судить. Ты всегда выбирал бумагу.

Сергей вспомнил пустые подписанные листы в ящике. Бумагу он как раз выбирал не всегда. Иногда оставлял подпись заранее, потому что доверял Олегу и хотел уйти домой вовремя.

— Нет, — сказал он. — Я тоже выбирал удобство. Поэтому моя подпись там появилась. За это отвечу сам.

— Хочешь лишиться удостоверения — лишайся. Только меня благородством не дави.

— Я не благородный. Я опоздал увидеть, что ты делаешь у меня перед глазами.

Олег отключился.

Сергей внёс звонок в личные заметки и переслал номер Соколовой. Потом вышел к третьей рампе. Синей тележки не было — её увезли криминалисты. На месте остались две параллельные полосы, где колёса сняли пыль с бетона. Полосы шли от служебной двери к краю и обрывались возле чистого прямоугольника.

Он не знал, когда они появились. Не знал, была ли Елена жива на тележке. Не знал, видел ли Антон Беляева или достроил лицо по знакомой жилетке и последующему выходу. Всё это требовало проверки.

Но одно Сергей теперь знал точно. Жалость Олега была настоящей. Именно поэтому она оказалась опаснее простой лжи. Ложь хотя бы прятала корысть или страх. Жалость позволяла человеку считать себя хорошим, пока он вырезал страницу, обводил чужую подпись и отодвигал звонок в скорую.

У шлагбаума загорелся зелёный сигнал. Сергей сверил номер машины с пропуском и поднял стрелу. В журнале он записал время до минуты, не добавляя ни причины опоздания, ни предположения о грузе.

То, чего он не видел, оставалось пустым местом. Впервые за день пустота показалась ему не недостатком, который надо скорее заполнить, а честной границей.

Глава 6. Синяя тележка

К восьми утра тележка вернулась во двор, но уже не принадлежала магазину.

Она стояла посреди третьей рампы в белом квадрате, наклеенном на бетон малярной лентой. На ручке висела бирка, колёса были обёрнуты прозрачными пакетами, под каждым лежал отдельный лист картона. Вчера на ней возили коробки, мусор и, если Антон не ошибся, Елену Орлову. Сегодня к ней нельзя было прикоснуться без разрешения следователя.

Сергей увидел её с поста через стекло. В утреннем свете синий борт оказался исцарапанным до металла, а на левом углу темнела вмятина. Таких тележек в галерее было шесть: две у магазина электроники, три у продуктового склада и одна общая, возле которой постоянно спорили арендаторы. Издалека все выглядели одинаково. Вблизи эта отличалась короткой ручкой, приваренной после поломки, и белой цифрой четыре на внутренней стороне борта.

Цифру Сергей помнил. Весной грузчик «Вольта» ударил тележкой стеклянную дверь, и управляющая велела пронумеровать имущество магазина. Тогда Сергей записал в журнал: «Тележка № 4, повреждена резиновая накладка справа». Запись была полезной, но сама по себе ничего не говорила о прошедшей ночи. Тележку могли брать десятки людей.

Инга Соколова приехала без Кравчука. Поставила у рампы складной знак, сняла перчатки и спросила:

— Кто успел подойти?

— Никто. Я выставил второй пост у коридора и перенаправил приёмку на первую рампу.

— На каком основании?

— На основании того, что вы вчера оставили тележку опечатанной и велели обеспечить сохранность.

— Вот это ваша работа, Лаврентьев. Запомните ощущение.

Сергей промолчал. После вчерашнего опроса Соколова не стала мягче, но теперь хотя бы различала, когда он охранял место, а когда пытался вернуть себе старую должность.

Она показала на полосу за белым квадратом.

— Вы говорили, здесь был след.

— Две полосы. Я видел вечером. Сейчас одну затоптали криминалисты, вторая осталась возле ограничителя.

— Когда впервые заметили?

— После десяти вечера.

— Значит, не можете сказать, что след возник в ночь смерти.

— Не могу.

— И не можете сказать, что его оставила эта тележка.

— Пока нет.

Соколова кивнула, будто правильный ответ заключался не в знании, а в своевременном признании его границы.

На бетонном полу тянулась тёмная дуга, шириной с большой палец. Она начиналась у порога служебной двери, огибала жёлтый ограничитель и пропадала там, где утром лежало тело Елены. Рядом шла более тонкая прерывистая линия. Если смотреть стоя, это были обычные следы грязных колёс. Если присесть, становилось видно: широкая полоса ровная, а тонкая повторяется через одинаковые промежутки, словно на покрышке не хватало куска резины.

Сергей присел, не переступая ленту.

— У четвёртой тележки справа повреждена накладка.

— Откуда знаете?

— Записывал весной после повреждения двери.

— Найдите запись. Оригинал не выносите. Сделаете копию при мне.

В комнате охраны хранилось семь журналов за текущий год. Сергей нашёл апрельский, перелистал страницы и остановился на записи о разбитом стекле. Под ней стояли его подпись и подпись управляющей «Вольта» Ларисы Ченцовой. Тогда неисправность признали неопасной: тележка катилась, тормоз держал, острый край закрыли новой резиной. Никто не собирался покупать колесо из-за небольшой лысины.

Соколова сфотографировала страницу, затем попросила журнал регистрации ремонта. Такого журнала у охраны не было.

— У магазина должен быть, — сказал Сергей.

— Должен или есть?

— Не знаю.

— Пойдём узнаем.

«Вольт» открывался в десять, но продавцы уже расставляли ценники. У входа стояла Лариса Ченцова — невысокая женщина в строгом сером костюме и белых кедах. Она разговаривала по гарнитуре и одновременно проверяла витрину с телефонами. Увидев Соколову, закончила звонок на полуслове.

— Я вчера всё объяснила вашим сотрудникам.

— Сегодня речь о тележке, — сказала Соколова. — Синяя, номер четыре. Кто ею пользовался?

Ченцова посмотрела на Сергея, словно он привёл проверку нарочно.

— Все, кому нужно. Она хозяйственная.

— Принадлежит магазину?

— Формально да.

— Где хранится?

— На складе за сервисной стойкой.

— Закрывается?

— Склад закрывается. Но тележку часто оставляют у возвратной клетки, если утром приёмка.

— Кто мог взять её позавчера вечером?

— Грузчики, продавцы, логистика. У Беляева был служебный ключ. У меня. У Елены.

При имени погибшей Ченцова запнулась, но быстро продолжила:

— Елена вела возвраты и недостачи. Ей нужен был доступ к документам.

— Есть учёт выдачи тележек?

— Вы серьёзно? Это не ноутбук. Её берут, потом ставят обратно.

— Когда вы видели номер четыре в последний раз до обнаружения тела?

Ченцова задумалась.

— Позавчера днём. На ней привезли коробки из сервисного центра.

— Кто привёз?

— Кажется, Антон. Или другой временный грузчик.

— Кажется — это не ответ.

— Я управляю магазином в тысячу квадратов. Я не запоминаю каждого, кто катит коробку.

Сергей посмотрел на складскую дверь. На сером полотне ниже ручки осталась синяя царапина, свежая или просто яркая. Справа на полу лежал свёрнутый рекламный плакат, за ним — две другие тележки. Обе с высокими ручками и целыми колёсами.

Соколова заметила его взгляд.

— Не подходите.

Она вызвала криминалиста и до его приезда опросила сотрудников по одному. Сергей присутствовал только как представитель охраны и отвечал на вопросы о доступе. Один продавец видел четвёртую тележку около семи вечера возле служебного лифта. Кладовщик утвер-

ждал, что в девять все три тележки магазина стояли на складе, но признал: он посмотрел из коридора и номера не проверял. Уборщица помнила скрип колеса после закрытия, однако не могла сказать, с какого этажа. Каждый приносил маленькую часть маршрута, и ни одна не подходила для прямой линии.

Криминалист приехал с двумя рулонами плёнки, линейками и серым чемоданом. Его звали Денис, фамилию Сергей не расслышал. Денис сравнил повреждение правого колеса с прерывистой линией у рампы, сделал слепок и сказал:

— По размеру подходит. Индивидуальные особенности будем смотреть в лаборатории.

— Значит, это она? — спросила Ченцова.

— Значит, размер и рисунок не исключают это колесо.

— Нормально можно сказать?

— Можно. Пока не доказали ни да, ни нет.

Сергей едва заметно усмехнулся. Соколова бросила на него взгляд: не радуйтесь, это не урок только для других.

На внутренней стороне борта Денис нашёл серую пыль, белые волокна и две короткие нити тёмной ткани. Всё снял отдельно. В щели между настилом и рамой застрял кусок красной бумаги. Он был меньше ногтя и мог оказаться частью пломбы, упаковочной наклейки или рекламного ценника. Его тоже упаковали.

— На месте рядом с Орловой лежал красный обрывок, — сказал Сергей.

— Я помню, — ответила Соколова. — Не соединяйте их глазами.

— Я только сказал, что цвет одинаковый.

— Красный — не серийный номер.

Ченцова побледнела.

— Какая пломба?

— Бумажная, — сказала Соколова. — Где такие используют у вас?

— На возвратной клетке. Иногда на коробках после внутренней проверки. Но красные у нас были летом. Сейчас оранжевые.

— Остатки красных сохранились?

— Наверное. Елена заказывала расходники.

Склад вскрыли в присутствии Ченцовой. У стены стояла металлическая клетка высотой почти до потолка. Дверца была закрыта навесным замком, через проушины проходила узкая бумажная полоска с печатью «Вольт. Возврат». Полоска была оранжевой. Рядом на полке лежал рулон таких же и пустая картонная втулка с красным краем.

— Это старый рулон? — спросила Соколова.

— Похоже.

— Кто им пользовался?

— Кладовщик, Елена, я. Иногда Беляев, если принимал возвраты после закрытия.

— Почему начальник общей логистики пломбировал клетку магазина?

Ченцова поправила гарнитуру, хотя та лежала в кармане.

— Потому что у нас не хватало людей. Он помогал.

— Бесплатно?

— Это общая работа.

Соколова не стала спорить. Попросила показать акты возвратов за месяц и книгу доступа. Ченцова принесла толстую папку и тонкую тетрадь. В тетради были даты, фамилии и подписи. После двадцати двух часов почти везде значился Беляев. В ночь смерти напротив времени 23:20 стояла запись «подготовка утренней отгрузки» и подпись, похожая на его.

— Кто внёс запись? — спросила Соколова.

— Не знаю. Каждый пишет сам.

— Чернила ещё проверят. Пока это только запись.

Сергей заметил, что одна строка ниже стёрта корректором. Сквозь белый слой проступали две синие петли.

— Там что было?

Ченцова посмотрела на него с раздражением.

— Вы теперь тоже следователь?

— Нет. Я отвечаю за порядок доступа. Спрашивает Инга Андреевна.

Соколова не поддержала его уловку.

— Я сама спрошу, если понадобится. Лаврентьев, выйдите в коридор.

Он вышел. Дверь закрылась, оставив ему стеклянную витрину, выключенные экраны и отражение человека в форме, которому снова напомнили его место. Раньше это место казалось унижением. Сегодня — способом не испортить то, что могли проверить другие.

Возле сервисной стойки молодой продавец клеил защитное стекло на телефон. Он провёл пластиковой карточкой от центра к краям, выгоняя воздух. Под плёнкой остался один пузырь.

— Переделывать? — спросил покупатель.

— Пылинка попала. Если давить, только больше станет.

Продавец поднял край плёнки липкой полоской и снял соринку. Сергей подумал, что с версиями происходит наоборот: стоит прижать удобную догадку, и она расползается по всему делу.

Через двадцать минут Соколова вышла с опечатанным пакетом документов.

— Ченцова утверждает, что стёрта фамилия Елены. Якобы та пришла проверить возвраты, но потом попросила убрать запись, потому что была не в смене.

— Вы верите?

— Я проверяю.

— Беляев записан в 23:20. Антон вошёл в 23:36. Сходится.

— С чем?

Сергей хотел сказать: с подготовкой вывоза коробок. Но запись называла подготовкой утреннюю отгрузку, Антон говорил о переносе возвратов, а тележка могла оказаться у рампы по обычной работе. Сходилось только время нахождения людей в одном месте.

— С тем, что они могли встретиться у склада, — ответил он.

— Могли. И это ещё не маршрут тележки.

Маршрут начали искать с дверей. У каждой служебной двери стоял считыватель, но тележка не имела своей карты. Её мог катить любой человек с пропуском или тот, кому придержали створку. В журнале доступа сохранились проходы Беляева, Елены, Антона и Олега. После полуночи система отметила Беляева у магазина в 00:07, Елену там же в 00:14 и открытие двери к рампе картой Беляева в 00:38. Антон прошёл по гостевому пропуску один раз и дальше двигался внутри без отметок.

— Почему между входом Елены и открытием рампы двадцать четыре минуты? — спросил Сергей.

— Потому что между этими событиями прошло двадцать четыре минуты, — сказала Соколова. — Всё остальное пока версия.

Они спустились к служебному лифту. Его кабина была обшита серым металлом, в углах скопилась пыль. На уровне колеса тянулась синяя полоса. Таких полос было много: светлая, тёмная, почти чёрная. Денис выбрал три участка, снял образцы и измерил высоту.

Тележка номер четыре входила в лифт только под углом. Сергей вспомнил, как грузчики ругались из-за короткой кабины и поднимали передний край, чтобы закрылась дверь. При таком движении правое колесо оставляло дугу на пороге. На металлическом пороге нашлась свежая чёрная отметина с повторяющимся разрывом.

— Похоже, — сказал Денис. — Но когда оставлена, без слоя грязи не скажу.

Сергей присмотрелся. Поверх следа лежала светлая строительная пыль, а по краю пыли проходил отпечаток подошвы.

— Ночью мыли коридор, — сказал он. — Антонина по графику должна была закончить здесь в двадцать три ноль-ноль.

— Должна была или закончила? — спросила Соколова.

— Узнаем по листу уборки.

Лист висел в кладовой на пластиковом планшете. В строке «служебный лифт и коридор Б» стояли время 22:47 и подпись Антонины. Рядом кладовщик поставил отметку проверки в 23:05. Если записи были правдивыми, след колеса появился после уборки. Но Сергей уже видел, как легко подпись и время создают вместо события аккуратную картинку.

— Кладовщик ещё на работе? — спросила Соколова.

— Смена до двенадцати.

Кладовщика звали Павел. Он признался, что проверку не проводил. Антонина принесла лист утром, и он поставил подписи за три зоны сразу.

— Почему?

— Всегда так делаем. Там чисто было.

— Вы видели, что было чисто?

— Ну… вечером видел.

Сергей почувствовал знакомую тяжесть. На объекте всё держалось на записях, которые делали потом, заранее или за другого. Его пустые подписанные листы отличались от Павловых не сутью, а только последствиями. Пока никто не умирал, удобство называли порядком.

— Значит, время уборки не подтверждено, — сказала Соколова.

— Антонина могла помнить, — предложил Сергей.

— Спросим. Но её память тоже не часы.

Из лифта путь раздваивался. Налево шли к рампе, направо — в подземный паркинг жилого комплекса. На левом повороте синяя краска осталась на защитном уголке стены. На правом — тоже. Сергей принёс схему движения грузов. По правилам тележки магазина не должны были попадать в жилую часть, но правила нарушали каждый день: через паркинг было ближе вывозить крупный мусор и принимать мебель после закрытия галереи.

— Мы сейчас ищем путь Елены или коробок? — спросил он.

— Обоих, если они ехали на одной тележке в разное время. Антон сказал: сначала коробки, потом женщина. Следы не умеют рассказывать, что лежало на борту.

У двери паркинга сохранилась камера. Она смотрела не на коридор, а на въездную полосу, но в дальнем углу кадра отражалась металлическая створка. Архив этой камеры работал, потому что относился к системе ЖК, а не к общему двору. Диспетчер долго искал нужные полчаса. В 00:31 створка дрогнула и в отражении появилась синяя полоса. Через четыре секунды она исчезла. Человека закрывала колонна.

— Можно увеличить? — спросил Сергей.

— Можно сделать крупнее пиксели, — ответил диспетчер. — Лица там не появится.

В 00:42 синяя полоса прошла обратно, теперь медленнее. Над бортом возвышались прямоугольные тени, похожие на коробки. В 01:16 тележка снова мелькнула у створки, но направление определить не удалось: в этот момент фары въезжающей машины засветили отражение.

Соколова сохранила исходные файлы и контрольные суммы. Сергей записал времена в блокнот.

— В 00:38 карта Беляева открыла рампу, а в 00:42 тележка идёт обратно от паркинга, — сказал он. — Значит, четыре минуты между дверями.

— Или часы двух систем расходятся.

Диспетчер проверил. Сервер ЖК спешил на две минуты семнадцать секунд относительно точного времени, считыватель галереи отставал на сорок одну секунду. После поправки события могли разделять меньше минуты.

— Тогда один человек мог открыть рампу и вернуться от паркинга с тележкой, — сказал Сергей.

— Мог. Но мы не видим человека и пока не знаем, какая это тележка.

— Колесо, краска, номер магазина.

— Номер в отражении видите?

— Нет.

— Вот и я нет.

В 02:03 камера поймала нижнюю часть человека в тёмных брюках и ботинках. Он придерживал дверь ногой, по полу прошли два колеса, затем створка закрылась. Тележка двигалась из паркинга к галерее. На борту ничего не возвышалось.

Антон говорил, что Елену везли к рампе, а коробки — в паркинг. Архив подтверждал движение какой-то синей тележки в обе стороны, но не груз и не водителя. Сергей ощутил досаду: предмет был перед ними, следы окружали его, а ясности не прибавлялось так быстро, как хотелось.

— Если на тележке найдут волокна одежды Елены? — спросил он.

— Это подтвердит контакт с её одеждой.

— И перемещение.

— Вероятно, если расположение и другие следы совпадут. Но не удар. Не время смерти. Не лицо того, кто вёз.

— Вы всегда отвечаете так, будто каждое слово будут читать в суде.

— Потому что могут.

Они вернулись к рампе. Денис закончил осмотр и разрешил перевернуть тележку силами двух сотрудников. Под настилом обнаружились белая наклейка сервисного центра, кусок прозрачного скотча и засохшая капля бурого цвета. Каплю изъяли на исследование. Ченцова, стоявшая за лентой, закрыла рот ладонью.

— Это кровь? — спросила она.

— Не знаю, — ответил Денис.

— А если кровь Елены?

— Тогда скажем, что кровь Елены, после исследования.

Сергей увидел на нижней перекладине тонкую серебристую проволоку. Такой проволокой крепили бумажные ярлыки к клетке возвратов. Рядом застрял клочок картона с напечатанными цифрами «…8472».

Соколова сняла его пинцетом.

— Серийный номер? — спросил Сергей.

— Часть чего-то с цифрами.

— Елена сказала, что сверила номера.

— Антон сказал, что слышал эти слова.

— Хорошо. Часть чего-то с цифрами может иметь отношение к коробкам, которые она проверяла.

— Может. Вот так и запишем.

Ближе к полудню тележку погрузили в полицейский фургон. Перед этим Сергей сфотографировал пустой белый квадрат для журнала объекта и составил акт передачи. В графе «причина» написал: «Изъята сотрудниками полиции для исследования в рамках проверки обстоятельств смерти Е. С. Орловой». Не «орудие», не «улика убийства», не «тележка Беляева». Ченцова подписала как представитель владельца.

— Когда вернут? — спросила она.

— Когда отпадёт необходимость, — сказала Соколова.

— У нас поставки каждый день.

— Купите новую.

— Вы не понимаете, у нас бюджет согласовывается месяц.

Соколова посмотрела на неё так, что та замолчала.

После отъезда фургона на рампе остались следы, лента и чистый прямоугольник. Сергей снял ограждение только с прохода, а участок возле ограничителя оставил закрытым. На первую рампу уже выстроились две машины. Водители сигналили, грузчики ругались, управляющая галереи требовала вернуть обычный график.

Сергей раздал новые маршруты и сам встал у служебной двери. Каждую тележку теперь записывали: цвет, номер, время, фамилия того, кто взял. Михаил спросил, надолго ли этот порядок.

— Пока не научимся знать, где наше имущество.

— Из-за одной тележки столько бумаги.

— Не из-за тележки. Из-за того, что ночью никто не мог сказать, кто и что здесь делал.

В два часа позвонила Соколова. Лаборатория ещё не дала результатов, но эксперт предварительно установил: рисунок повреждённого колеса совпадает с прерывистым следом у ограничителя по размеру и расположению дефекта. Окончательное заключение будет позже. Волокна сравнят с одеждой Елены, бурое пятно исследуют отдельно.

— Можете считать установленным только то, что тележка номер четыре с высокой вероятностью проходила у третьей рампы, — сказала она. — Время следа пока не установлено.

— Архив паркинга?

— Зафиксировал движение синего предмета подходящего размера. Не больше.

— Беляева допросили?

— Это не ваши сведения.

— Антон видел его с тележкой.

— Антон дал показания. Мы их проверяем.

— Я понял.

— Правда поняли?

Сергей посмотрел на новую строку журнала. «14:06. Тележка продуктового склада № 2, пустая, рампа 1 — лифт Б. Получил Н. Ю. Агапов». Слишком много подробностей для обычного дня и ровно столько, сколько не хватало после смерти.

— Перемещение тела не доказывает нанесение травмы, — сказал он.

— Уже лучше.

— Но доказывает попытку изменить место, если подтвердится.

— Если подтвердятся тело, водитель и исходное положение. Не торопитесь на последнем метре.

После разговора Сергей прошёл маршрут сам, без тележки. От склада «Вольта» до лифта — сорок семь шагов. От лифта до двери паркинга — тридцать два. До третьей рампы — ещё сорок один. На каждом повороте были следы синей краски, но часть находилась под старой пылью, часть перекрывалась свежими царапинами. Галерея годами записывала движение на стены, только никто не умел ставить возле царапины дату.

У жёлтого ограничителя Сергей остановился. Вмятина на нём находилась на высоте борта тележки. Антон слышал удар, похожий на столкновение с ограничителем, а потом крик. Можно было представить десяток сцен: тележка ударилась пустой; на ней были коробки; Елена отшатнулась; Елена уже лежала; звук вообще пришёл из соседнего коридора. Воображение охотно заполняло промежутки и каждый раз выдавало картинку за память.

Сергей достал телефон и сфотографировал ограничитель с линейкой, не касаясь его. Снимок отправил Соколовой с подписью: «Вмятина на высоте борта, время появления неизвестно. Прошу решить вопрос об осмотре». Она ответила одним словом: «Принято».

Он не написал, что нашёл место удара. Не написал, что тележкой сбили Елену. Не написал, что Беляев вёз её после нападения. Пока у него были синяя краска, повреждённое колесо, движение в отражении и показания испуганного человека.

Этого хватало, чтобы продолжать проверку.

Этого не хватало, чтобы закончить дело.

Глава 7. Дочь бухгалтера

Ирина Орлова пришла в галерею с отвёрткой в кармане.

На входе рамка пискнула, Михаил попросил выложить металлические предметы, и она поставила на стойку связку ключей, складной набор бит и тонкий пинцет. Всё лежало в прозрачном пакете с логотипом мастерской по ремонту телефонов.

— Я с работы, — сказала она. — Не успела заехать домой.

Сергей наблюдал по монитору. Вчера он видел Ирину только издалека, у полицейской машины: короткие тёмные волосы, чужая куртка на плечах, руки, которыми она держала бумажный стакан, не делая ни глотка. Сегодня на ней была чёрная толстовка с надписью «Ремонт при вас», серые джинсы и тяжёлые ботинки. Двадцать четыре года, взрослая дочь погибшей, но сотрудники галереи смотрели на неё так, будто обязаны найти рядом старшего родственника.

— К кому? — спросил Михаил.

— К следователю Соколовой. Она сказала ждать здесь.

— Документ.

Ирина подала паспорт. Михаил переписал данные в журнал, вернул пакет с инструментами и позвонил Сергею.

— Тут дочь погибшей.

— Я вижу. Оформи гостевой, предложи стул. Никуда не веди без Соколовой.

Через минуту Ирина стояла у двери комнаты охраны.

— Вы Лаврентьев?

— Да.

— Тогда мне нужен не стул. Мне нужна мамина сумка.

— Она у полиции.

— Я знаю, что телефон у полиции. Сумка оставалась у вас в сейфе до осмотра. Мне вчера сказали.

Сергей вспомнил чёрную кожаную сумку, которую Кравчук опечатал утром. Её увезли вместе с личными вещами Елены.

— В сейфе ничего нет. Всё передано по акту.

— Покажите акт.

— Не могу показывать служебные документы посторонним.

— А подпись моей матери копировать ваши сотрудники могут?

Михаил перестал листать журнал. Сергей жестом отправил его к турникету.

— Подпись скопировали не с документов вашей матери.

— Мне без разницы, с чьих. Вы охраняли место. У вас человек лежал несколько часов, а в бумагах уже было написано, что случилось. Теперь вы говорите про посторонних.

Она не повышала голос. От этого упрёк звучал точнее.

— Вы правы, — сказал Сергей. — У вас есть причины мне не доверять.

— Не надо со мной соглашаться, чтобы я успокоилась.

— Я и не рассчитываю.

Ирина посмотрела на его форму, на нашивку частной охраны, на бейдж со словами «старший смены».

— Следователь сказала, вы нашли неправильное время.

— Заметил время печати.

— После того как подписали?

— Я не подписывал акт. Мою подпись скопировали. Но я раньше оставлял подписанные пустые листы. Это позволило копировать её без труда.

— Очень удобно. Вы и виноваты, и не виноваты.

— Не виноват в подделке. Виноват в том, что сделал её простой.

Ирина отвела взгляд к стеклу поста. За ним посетители проходили рамку, доставали телефоны, смеялись над писком пряжек. Обычное утро продолжалось рядом с разговором о смерти, не замечая его.

— Мама терпеть не могла пустые подписи, — сказала она. — Даже квитанцию курьеру не подписывала, пока всё не пересчитает. Я над ней смеялась.

— Поэтому вы пришли?

— Я пришла, потому что ночью нашла кое-что у неё дома.

Сергей не спросил что. После вчерашнего ему пришлось буквально удержать вопрос за зубами.

— Соколова скоро будет, — сказал он. — Лучше передайте ей лично.

— Вы не хотите знать?

— Хочу. Но вам не обязательно рассказывать мне.

Ирина впервые посмотрела на него не как на предмет формы. Недоверие не исчезло, только стало внимательнее.

— Она сказала, чтобы вы тоже присутствовали. Из-за доступа к складу.

Соколова приехала через десять минут. Увидела пакет с инструментами, попросила Михаила сделать отметку, что острые предметы добровольно оставлены на посту на время беседы, и отвела Ирину в комнату управляющей. Сергей сел у стены, на прежнее место. Перед ним лежал пустой блокнот, но он не открыл его без разрешения.

Ирина достала из внутреннего кармана сложенный вчетверо лист.

— Нашла под клавиатурой маминого компьютера.

Лист был вырван из клетчатой тетради. На одной стороне стоял список покупок: корм, лампа, батарейки, творог. На другой — четыре группы цифр и короткие пометки.

«8472 — дважды».

«1190 — коробка легче».

«Чек 06/14 — нет покупателя».

«Л. знает про старую дыру?»

Ниже Елена написала: «Сказать Ирке, где копия».

Соколова надела перчатки и разложила лист на прозрачном файле.

— Вы трогали его?

— Конечно. Я же не живу в сериале. Сняла, развернула, прочитала. Потом положила в новый пакет.

— Кто ещё мог трогать?

— Мама. Я. Может, мастер, когда менял клавиатуру год назад. Но лист свежий, его не было в воскресенье.

— Откуда знаете?

— Я приходила чинить ей компьютер. Клавиша пробела заедала. Под клавиатурой были только крошки и гарантийный талон.

— Когда это было?

— В воскресенье вечером. За четыре дня до смерти.

— Компьютером после обнаружения тела кто-нибудь пользовался?

— Я включила его вчера ночью. Пароль знала. Посмотрела последние файлы, ничего не удаляла. Потом выключила.

— Какие файлы открывали?

— Таблицы в папке «Работа», историю браузера, почту. В почте нужен второй код с её телефона, я не вошла.

Соколова попросила подробно перечислить действия. Ирина отвечала без обиды. Она ремонтировала чужие устройства и понимала, что любое прикосновение меняет следы.

— Компьютер сейчас где?

— Дома. Я его не принесла, потому что это системный блок, а машины у меня нет. Можете забрать.

— Заберём с вашего согласия и оформим. Что значит «где копия»?

— Не знаю. Мама иногда делала копии на флешке, если не доверяла облаку. После того как у неё однажды пропала папка с фотографиями.

— Где хранила флешки?

— В жестяной коробке из-под чая. Я проверила. Там три штуки: семейные фото, налоговые документы и инструкции к технике. Нужной нет.

— Как вы определили?

— Подключила к своему ноутбуку.

Соколова вздохнула.

— Ирина, больше ничего не подключайте и не открывайте.

— Если бы я ждала вас, лист мог бы так и лежать под клавиатурой.

— Вы правильно сделали, что принесли. Но любое открытие файла меняет даты доступа, а заражённая флешка может изменить другой компьютер. Нам важны исходные носители.

— Хорошо. Больше не буду.

Ирина сказала это без покорности, скорее как специалист, принявший технический довод.

Соколова указала на цифры.

— Узнаёте эти номера?

— Последние четыре знака серийных номеров. Мама писала сокращённо. В мастерской мы тоже так делаем, если рядом есть модель.

— Почему уверены?

— Потому что 8472 было в фотографии, которую она мне прислала.

Ирина достала телефон. На экране открылась переписка с контактом «Мама». Последнее сообщение Елены пришло в 21:18 в ночь смерти: фотография белой наклейки на коробке ноутбука. Серийный номер заканчивался цифрами 8472. Под фотографией было написано: «Глянь, может один номер быть у двух коробок?»

Ответ Ирины появился в 21:24: «Нет, если это заводской серийник. Штрихкод модели может».

Елена написала: «Именно серийник. Потом наберу».

Больше сообщений не было.

Соколова попросила разрешения скопировать переписку и исходный файл фотографии. Ирина согласилась, но не отдала телефон сразу.

— Объясните, что именно будете копировать.

— Этот диалог, сведения о времени и сам снимок без пересылки через мессенджер. Специалист сделает образ нужных данных. Телефон останется у вас, если не возникнет оснований изымать его целиком.

— А удалённые сообщения читать будете?

— Если понадобится доступ за пределами добровольно показанного, оформим законное основание отдельно.

Ирина протянула телефон.

— Тогда копируйте.

Сергей смотрел на снимок. Белая наклейка, чёрные полосы, четыре последние цифры. На краю коробки виднелась красная бумажная полоса.

— Красная пломба, — сказал он.

Соколова увеличила изображение.

— Фрагмент красной бумаги. Текста не видно.

— У «Вольта» старые пломбы были красными.

— Это вы установили вчера?

— Ченцова сказала при осмотре. На тележке нашли красный клочок.

Ирина резко повернулась.

— На какой тележке?

Соколова ответила раньше Сергея:

— На изъятой у рампы. Происхождение клочка пока не установлено.

— На ней везли маму?

— Есть показания о перемещении, они проверяются.

— Кто вёз?

— Я не буду обсуждать непроверенные сведения.

— А со мной кто-нибудь собирался их обсуждать? Вчера мне сказали «падение». Потом выяснилось, что акт был готов заранее. Сегодня тележка. Вы всё время добавляете одно слово после того, как я сама спрашиваю.

Соколова не стала успокаивать её обещаниями.

— Я сообщу вам то, что могу сообщить без вреда проверке. Сейчас установлено: место обнаружения тела могли изменить. Это не означает, что установлены человек, причина повреждений или исходное место. Экспертизы не закончены.

Ирина побледнела, но голос удержала.

— Значит, мама не упала у рампы.

— Я сказала: могли изменить. Не превращайте это в окончательный вывод.

— Вам легко говорить.

— Нет. Мне необходимо так говорить.

Ирина взяла стакан воды, который до этого не трогала. Сделала два глотка и поставила точно в мокрый круг на столе.

— Мама боялась не Беляева, — сказала она. — Она боялась, что её сделают виноватой в недостаче.

— Почему?

— Потому что подписывала акты списания. Лариса просила закрыть старую дыру перед проверкой. Говорила, потом товар найдётся, бумаги поправят. Мама согласилась один раз. Потом сумма стала расти.

— Откуда вы знаете?

— Она рассказывала. Не всё сразу. Сначала сказала, что на работе путаница. Потом что подписала чужую недостачу, потому что Лариса плакала и обещала вернуть. Мама вообще плохо переносила, когда при ней плачут. Считала, что отказ в такой момент делает её бессердечной.

Сергей вспомнил Олега. Жалость снова появлялась в деле не как добродетель или порок, а как рычаг, которым один человек мог сдвинуть чужое решение.

— Какую сумму она называла? — спросила Соколова.

— Сначала сто восемьдесят тысяч. Потом почти миллион. Но я не знаю, реальная ли это недостача. Мама сказала, что по бумагам возвращают дорогие ноутбуки, а в коробках либо старые корпуса, либо железные пластины для веса.

— Видела сама?

— Одну коробку открыла. Там был дешёвый сломанный ноутбук с наклейкой от другой модели. После этого начала сверять номера.

— Когда?

— На прошлой неделе.

— Почему не обратилась в полицию?

Ирина усмехнулась без радости.

— Потому что на половине актов её подпись. Она хотела сначала собрать доказательства и поговорить с владельцем магазина. Боялась, что Лариса скажет: бухгалтер всё придумала, чтобы скрыть свою недостачу.

— Имя владельца знаете?

— Геннадий Аркадьевич. Фамилию не помню. Он бывает раз в месяц.

Соколова записала.

— «Л.» в записке — Лариса?

— Возможно. Или Лёша из сервиса. Мама сокращала имена одной буквой.

— Что такое «старая дыра»?

— Недостача, которую закрывали списаниями. По крайней мере, я так поняла.

— Не уверены — не додумывайте.

— Я не додумываю. Это вы вчера додумали падение.

Фраза была направлена Соколовой, но Сергей принял её и на свой счёт. Следователь выдержала паузу.

— Вчера первоначальные сведения действительно были неверными, — сказала она. — Поэтому сегодня мы отделяем ваши знания от предположений. Даже если это неприятно.

— Мне всё неприятно.

— Понимаю.

— Не понимаете.

— Не буду спорить.

Ирина закрыла глаза ладонью. Несколько секунд в комнате слышалось только гудение вентиляции. Сергей хотел выйти, но движение могло показаться бегством. Он остался сидеть.

Когда Ирина убрала руку, лицо стало жёстким.

— Мама звонила мне в двадцать три пятьдесят две. Я не ответила.

— Почему этого нет в переписке? — спросила Соколова.

— Обычный звонок. Телефон был в беззвучном режиме. Я меняла дисплей клиенту и увидела пропущенный только после полуночи. Перезвонила в ноль двадцать девять — она не взяла.

— Покажите журнал звонков.

На экране стояли оба времени. Входящий длился четыре секунды до сброса на голосовую почту. Исходящий в 00:29 остался без ответа.

— Голосовое сообщение есть?

— Нет. Только пустая запись на две секунды. Я слушала десять раз.

Специалист позже проверит файл. Соколова попросила Ирину не воспроизводить его снова.

— Почему вы не сообщили вчера?

— Сообщила Кравчуку. Он записал в блокнот.

Соколова ничего не сказала, только отметила себе проверить.

— В двадцать три пятьдесят две Елена уже была в галерее? — спросил Сергей.

— По проходам её карта отмечена в ноль четырнадцать, — ответила Соколова. — До этого могла находиться где угодно.

Ирина посмотрела на него.

— Вы проверяли входы?

— Главный вход после закрытия записывает карты, служебный тоже. Из ЖК можно пройти через паркинг и коридор, где часть дверей открывают механически.

— То есть вы не знаете, когда она пришла.

— Точно не знаю.

— Что вы вообще знаете точно?

Сергей перечислил бы время печати акта, звонка скорой, проходы карт. Но за вопросом стояла не просьба о списке.

— Что ваша мать пыталась проверить номера возвратов, — сказал он. — Что она пришла сюда не случайно. И что бумаги охраны скрыли важные часы вместо того, чтобы сохранить их.

— Ваши бумаги.

— Да.

— Тогда почему вы ещё здесь работаете?

— Пока меня не отстранили. И потому что если уйду сейчас, это не исправит запись.

— А остаться исправит?

— Нет. Но я могу передать то, что знаю, и не мешать тем, кто проверяет.

— Очень скромная роль для бывшего опера.

Сергей поднял глаза. Значит, кто-то рассказал ей о его прошлом — Кравчук, сотрудники магазина или сама Елена когда-то упоминала старшего смены.

— Как вы узнали?

— Мама говорила. «У них охранник бывший опер, смотрит так, будто все уже соврали». Ей это не нравилось.

— Понимаю.

— Опять понимаете.

— На этот раз да. Я именно так смотрел.

Ирина подтянула к себе лист, но Соколова мягко остановила её руку.

— Он останется у нас. Оформим добровольную выдачу.

— Я хочу копию.

— Сделаем.

Пока Соколова заполняла бланк, Сергей рассматривал четыре группы цифр. Фрагмент картона, найденный под тележкой, заканчивался на 8472. Или ему так запомнилось? Он открыл вчерашнюю запись: «…8472». Совпадение было слишком точным, чтобы молчать, и слишком удобным, чтобы объявить разгадкой.

— На фрагменте с тележки были последние цифры 8472, — сказал он.

Соколова перестала писать.

— Уверены?

— Записал при осмотре. Четыре цифры видели вы и криминалист.

Она позвонила Денису и уточнила маркировку пакета. Потом попросила прислать фотографию изъятого фрагмента. Через минуту на её экране появился коричневый картон с оборванной белой наклейкой. Видимая часть номера действительно заканчивалась цифрами 8472.

Ирина встала.

— Это коробка с фотографии.

— Это фрагмент с такими же четырьмя цифрами, — сказала Соколова. — Полный номер не сохранился.

— Два одинаковых серийника и кусок одного под тележкой. Что ещё вам нужно?

— Установить модель, полный номер, происхождение фрагмента и связь с коробкой на фотографии.

— Пока вы устанавливаете, они всё вывезут.

— Кто — они?

Ирина открыла рот и замолчала.

— Беляев? Лариса? Кладовщик? Владелец? — продолжила Соколова. — Кого именно вы обвиняете?

— Я не знаю.

— Поэтому мы не будем выбирать за вас самого удобного.

Соколова тут же позвонила группе, которая работала с документами «Вольта», и продиктовала новые сведения. Попросила обеспечить сохранность возвратной клетки, остатков коробок и электронного учёта серийных номеров. Не говорила «обыск» и не обещала задержаний. Просто передала задачу.

Ирина медленно села.

— Вы правда сейчас отправили людей?

— Да.

— А если они уже всё убрали?

— Тогда будем устанавливать, кто, когда и что убрал.

— Вы всегда так спокойно говорите?

— Нет. На работе стараюсь.

Оформление заняло ещё полчаса. Ирина получила копию записки, расписалась за добровольную передачу цифровых данных и согласилась впустить специалистов в квартиру для осмотра компьютера. Соколова отдельно записала, что дочь не утверждает, будто «Л.» — Лариса, а выражение «старая дыра» толкует со слов матери.

Перед уходом Ирина попросила показать ей место, где нашли Елену.

— Следственные действия там ещё не закончены, — сказала Соколова. — Можно посмотреть из-за ограждения.

Они прошли к третьей рампе. Сергей шёл последним. Белая лента на полу ещё очерчивала квадрат, где утром стояла тележка. Чистый прямоугольник возле ограничителя отмечал место, рядом с которым лежало тело. Никаких цветов, свечей или фотографии не было. Только бетон, жёлтая краска и рабочий свет.

Ирина остановилась у ленты.

— Здесь?

Соколова показала точное место.

— А головой куда?

— Ирина…

— Я хочу знать.

Следователь ответила. Ирина выслушала, глядя на бетон. Потом достала телефон, но не стала фотографировать.

— Мама не носила обувь без каблука, — сказала она.

— На ней были туфли на низком каблуке, — уточнила Соколова.

— Для неё это без каблука. Я просила надеть кроссовки, если идёт на склад. Она сказала, что не собирается таскать коробки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.